

А. Н. Островский. Невольницы

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Евдоким Егорыч Стыров, очень богатый человек, лет за 50.

Евлалия Андревна, его жена, лет под 30.

Никита Абрамыч Коблов, богатый человек, средних лет, компаньон Стырова по большому промышленному предприятию.

Софья Сергевна, его жена, молодая женщина.

Артемий Васильич Мулин, молодой человек, один из главных служащих в конторе компании.

Мирон Ипатыч, старый лакей Стырова.

Марфа Севастьяновна, экономка.

Гостиная в доме Стырова; в глубине растворенные двери в залу, направо от актеров дверь в кабинет Стырова,

налево - в комнаты Евлалии Андревны. Мебель богатая, между прочей мебелью шахматный столик.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марфа (входит слева), Мирон (заглядывает из залы).

Мирон (кланяясь). Марфе Савостьяновне!

Марфа. Мирон Липатыч! Да взойдите, ничего...

Мирон входит.

Какими судьбами?

Мирон. Барина навещать пришел, наслышан, что приехали.

Марфа. Приехали, Мирон Липатыч.

Мирон (нюхая табак). На теплых водах были?

Марфа. На теплых водах. Были и в других разных землях, два раза туда путешествовали... Ну, и в Петербурге подолгу проживали. Много вояжу было; прошлое лето вот тоже в Крым...

Мирон. И вы всегда с ними?

Марфа. В Крыму была; а то все в Петербурге при доме оставалась.

Мирон. Постарел, я думаю, Евдоким Егорыч-то?

Марфа. Конечно, уж не к молодости дело идет, а к старости, сами знаете. Ведь вот и вы, Мирон Липатыч...

Мирон. Ну, мы другое дело: у нас это больше... знаете... от неаккуратности.

Марфа. А вы неаккуратность-то эту все еще продолжаете?

Мирон. Нет, будет, довольно, порешил... все равно как отрезал. Теперь уж ни Боже мой, ни под каким видом.

Марфа. И давно вы это... урезонились?

Мирон (*нюхая табак*). С Мироносицкой предел положил. Думал еще со Страшной закончить; ну, да, знаете, Святая... потом Фомина... тоже, надо вам сказать, неделя-то довольно путаная. Поправная неделя она числится; голова-то поправки требует, особенно на первых днях. Ну, а с Мироносицкой-то уж и установил себя как следует. И вот, надо Бога благодарить, Марфа Савостьяновна, до сих пор... как видите! И чтобы тянуло тебя, манило, али тоска... ничего этого нет.

Марфа. Ну, укрепи вас Бог!

Мирон. Очень чувствительный я человек, Марфа Савостьяновна, - сердце мое непереносчиво! Обидит кто или неприятность какая, ну, и не сдержишь себя. Не то чтоб у меня охота была или какое к этой дряни пристрастие; а все от душевного огорчения.

Марфа. Разно бывает, Мирон Липатыч: кто от чего. Но, при всем том, безобразие-то все одно.

Мирон. Так, значит, состарились мы с Евдокимом Егорычем?

Марфа. Да, таки порядочно. Коли вы его давно не видали, так перемену большую заметите.

Мирон. Три года не видал. Как тогда поженились, так мне от места отказали, молодую прислугу завели. Нет, Марфа Савостьяновна, пожилому на молоденькой жениться не след.

Марфа. Да ведь она не то чтобы очень молоденькая, двадцати пяти лет замуж-то шла.

Мирон. Самый цвет... вполне...

Марфа. Да вот уж три года замужем.

Мирон. Все-таки женщина в полном своем удовольствии; а мы-то с Евдокимом Егорычем уж скоро грибы будем. Старый-то на молодой женится, думает, что сам помолодеет; а заместо того еще скорее рушится, в затхлость обращается.

Марфа. Почему вы так полагаете? Отчего ж бы это?

Мирон. От сумления.

Марфа. Может быть, и правда ваша.

Мирон. Старый человек понимает, что молодая его любить как следует не может; ну, и должен он всякий час ее во всем подозревать; и обязан он, коли он муж настоящий, за каждым ее шагом, за каждым взглядом наблюдать, нет ли какой в чем фальши. А ведь это новая забота, ее прежде не было. А вы сами знаете: не лета человека старят, а заботы.

Марфа. Да, уж настоящего покою нет.

Мирон. Какой спокой! И я про то ж говорю. Я теперь Евдокима Егорыча - ох! как понимаю. Опять же не из своего круга взята.

Марфа. Какого вам еще круга? Маменька их в заведении, которое для барышень, главная начальница.

Мирон. Мадамина дочь, вроде как из иностранков.

Марфа. Вы это напрасно... Только что обучена на всякие языки, а природы нашей, русской.

Мирон. А промежду себя они?..

Марфа. Ну, конечно, не так, как молодые...

Мирон. Контры выходят?

Марфа. А все ж таки...

Мирон. Стражаются?

Марфа. Что вы, как можно! Несогласия между ними незаметно.

Мирон. И часто у них это бывает?

Марфа. Что?

Мирон. Стражение?

Марфа. Да что вы, какое стражение? Из-за чего им? Живут как следует, как все прочие господа.

Мирон. Ведь вы правды не скажете: женская прислуга всегда за барыню; плутни у вас заодно, а за маклерство вам большой доход. У Евдокима Егорыча, как я вижу, нет никого, чтобы преданный ему человек был: побережь его некому. Значит, Евдокиму Егорычу верный слуга нужен. Я теперь понял из ваших слов все дело.

Марфа. Вы зачем же к Евдокиму Егорычу?

Мирон. Слышал, что у них камардина нет; так хочу опять к ним проситься.

Марфа. Теперь гости у нас; а подождите немножко в кухне, Мирон Липатыч, по времени я доложу.

Мирон. Что же не подождать! Экстры нет, больше ждали. *(Уходит.)*

Из кабинета входят Стыров и Коблов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стыров, Коблов и Марфа.

Стыров *(Марфе)*. Пошли узнать, дома ли Артемий Васильич! Если дома, просить его ко мне.

Марфа уходит.

Будем продолжать прежний разговор. Я похож на нищего, который вдруг нашел огромную сумму денег и не знает, куда с ними деться, как их уберечь; все боится, чтоб их не украли.

Коблов. О чем вы жалеете, в чем вы раскаиваетесь, я не понимаю.

Стыров. Ну, положим, что я не жалею и не раскаиваюсь; довольно с меня и того, что я чувствую неловкость своего положения. Вы, я думаю, понимаете, что человеку с моим состоянием весьма естественно желать себе спокойствия и всякого удобства.

Коблов. Как не понимать! Но вы меня извините, я никакой неловкости, никакого неудобства в вашем положении не вижу.

Стыров. О таком деликатном предмете, разумеется, я могу говорить только с одними вами: у нас общие дела, общие интересы, и уж мы привыкли поверять друг другу то, что для посторонних должно оставаться тайной.

Коблов. Уж позвольте и мне говорить с вами откровенно. Вы знаете, как я глубоко уважаю Евлалию Андревну: поэтому, чтобы не стеснять себя в разговоре, мы будем говорить не о вас и не о ней собственно, а вообще, то есть о всяком муже и жене, какие бы они ни были.

Стыров. Хорошо. Вы, я думаю, знаете сами, что для счастья в супружеской жизни весьма важно, чтобы выбор с обеих сторон был непринужденный и вполне свободный.

Коблов. Да, это условие нелишнее, хотя нельзя сказать, чтобы необходимое.

Стыров. А ведь Евлалию Андревну выдали за меня почти насильно. Мать до двадцати пяти лет держала ее взаперти и обращалась с ней, как с десятилетней девочкой. Я ее купил у матери.

Коблов. Да хоть бы украли. Ведь вы венчаны, значит, вы находитесь в положении мужа и жены. Отношения эти известны, определены, и задумываться тут не над чем.

Стыров. И притом неравенство возрастов...

Коблов. Да ведь она видела, за кого идет.

Стыров. Не видала, я ослепил их с матерью. Когда я нечаянно познакомился с ними, меня сразу поразили некоторые особенности в характере Евлалии. В ней было что-то, чего я не встречал в других девушках; а я их видал-таки довольно на своем веку. Быстрые перемены в лице - то оно как будто завянет, то вдруг оживится и осветится; порывистые движения, короткое, судорожное пожатие руки при встрече; прямая речь, без всякого жеманства, и почти детская откровенность. Все это вместе было довольно привлекательно. Но ведь не влюбился же я - в мои годы этого не бывает, - я просто захотел приобрести ее, как редкость. И упрекаю теперь себя за это, как за поступок неосторожный.

Коблов. Напрасно.

Стыров. Я пошел путем прямым и верным; я не давал опомниться им с матерью: бывал у них по три раза в день, делал безумные траты для их удовольствия, осыпал подарками... И вот в результате: старый, постоянно занятой делами муж и молодая, страстная и способная к увлечениям жена.

Коблов. Что ж из этого? К чему эти признания? Я и без вас знал, что мужа и жены не всегда бывают равны возрастом и одинаковы характером. Я опять-таки повторяю: ведь вы венчаны, значит, вы стали в известные отношения друг к другу - вы муж и жена. Эти отношения уже определены, и они одинаковы и для молодых и для старых, и для страстных и для бесстрастных. Муж - глава, хозяин; а жена должна любить и бояться мужа. Любить - это надо предоставить жене: как ей угодно, насильно мил не будешь; а заставить бояться - уж это дело

мужа, и этой обязанностью он пренебрегать никак не должен.

Стыров. Но ведь она молода, ей жить хочется... Когда войдешь в ее положение...

Коблов. А зачем это вам входить в ее положение? Нет, вы этого не делайте! Начнете входить в положение жены, так можете приобрести дурную привычку входить в чужое положение вообще. Если последовательно идти по этому пути, так можно дойти до юродства. Там сирые да убогие, несчастные да угнетенные; придешь, пожалуй, к заключению, что надо имение раздать нищим, а самому с цветочком бегать босиком по морозу. Уж извините, такого поведения рекомендовать нельзя человеку деловому, у которого на руках большое коммерческое предприятие.

Стыров. Мы уклоняемся от предмета... Я говорил с вами не о житейских правилах: я имею свои, и довольно твердые, и в советах не нуждаюсь. Я говорил только о том исключительном положении, в котором я нахожусь, После свадьбы, вы знаете, сейчас же мы уехали в Петербург, два раза ездили в Париж, были в Италии, в Крыму, погостили в Москве; везде не подолгу, скучать ей было некогда. Теперь я должен прожить здесь, по своим делам, год или более; город довольно скучный, развлечений мало, притом же она может встретить кого-нибудь из своих прежних знакомых. Когда я женился, ей было двадцать пять лет; нельзя же предполагать, что у нее совсем не было привязанностей; а при скуке старые привязанности штука опасная.

Коблов. Конечно, опасная, если вы будете вольнодумствовать.

Стыров. Как "вольнодумствовать"... Что это значит?

Коблов. То есть пренебрегать правами мужа. Как, по вашему мнению, должен поступить муж в случае неверности жены?

Стыров. Ведь это, глядя по характеру... Я не знаю... может быть, я только заплакал бы; а может быть, и убил бы жену.

Коблов. Ну, вот видите ли! Значит, для вас прямой расчет не допускать неверности.

Стыров. Без сомнения; но как это сделать?

Коблов. Надо стараться устранить всякие поводы к соблазну, надо принять меры.

Стыров. Да какие меры? В том-то и дело.

Коблов. Во-первых, надо отнять совершенно свободу у жены, ограничить круг ее знакомства людьми, хорошо известными вам.

Стыров. Да тут знакомство и так невелико; выбирать-то не из кого... Известные лица... А кто здесь нам хорошо-то известен?

Коблов. Да вот, например, все служащие у нас.

Стыров. Без исключения? И Мулин?

Коблов. И Мулин. Он нам предан, вся будущность его в наших руках, кроме того, он очень неравнодушен к деньгам и постоянно ухаживает за богатыми невестами. А не женился он до сих пор только потому, что все ждет, не появится ли еще побогаче.

Стыров. Итак, во-первых, знакомство; а во-вторых?

Коблов. А во-вторых, надо учредить негласный надзор над женой.

Стыров. То есть шпионство. На кого ж возложить эту обязанность?

Коблов. Прежде всего на прислугу.

Стыров. Что вы говорите! Да ведь это гадко.

Коблов. Вы бывали больны? Ну, конечно, бывали и принимали не одни только сладкие лекарства. Когда дело идет о здоровье, так вкуса в лекарствах не разбирают.

Стыров. Как хотите, а к такому средству можно прибегать разве уж в последней крайности.

Коблов. В крайности уж будет поздно. Тем-то это средство и хорошо, что предупреждает крайности. Всякое увлечение вначале очень невинно; тут-то его и накрывать. У женщины, Евдоким Егорыч, два главные двигателя всех их поступков: каприз и хитрость. Против каприза нужна строгость, против хитрости - абсолютное недоверие и постоянный надзор.

Стыров. Но как же со всем этим вы согласите любовь к жене?

Коблов. Как? Очень просто. Ведь любим же мы своих маленьких детей, однако за капризы их наказываем и без нянек не оставляем.

Стыров. Но справедливо ли смотреть на женщин как на маленьких детей?

Коблов. Да мы, кажется, не о справедливости разговор начали, а о спокойствии для мужей.

Стыров. Хорошо. Благодарю вас! Я подумаю... и приму в соображение ваши слова. *(Садится к шахматному столику.)* Не сыграем ли в шахматы? Мне прислали недавно резные, превосходной работы. *(Вынимает из кармана ключик и отпирает ящик стола.)* Я их запираю от любопытных. Растеряют либо переломают.

Входит Марфа с телеграммой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стыров, Коблов и Марфа.

Марфа. Телеграмму подали из конторы. *(Подает телеграмму Стырову.)*

Стыров *(прочитав телеграмму).* Наш пароход с баржами остановился; значительное повреждение. *(Встает. Ключ остается в замке ящика. Передает телеграмму Коблову.)* Надо ехать самому. *(Взглянув на часы, Марфе.)* Скажи Евлалии Андревне, что я уезжаю на пароходе на несколько дней... Я поеду на пароходе через полчаса... Распорядись, чтобы мне приготовили и собрали все, что нужно, да вели закладывать лошадей.

Марфа. Слушаю-с. Мирон Липатыч тут дожидается.

Стыров. Какой "Липатыч"?

Марфа. Ваш бывший камардин.

Стыров. Что ему нужно?

Марфа. Должно быть, без места, так наведаться пришел.

Стыров. Хорошо; пошли его сюда.

Марфа уходит.

Коблов. Надо как можно скорее исправить повреждение, время не ждет, а главное, надо разобрать, кто виноват.

Стыров. Я за тем сам и еду. А вы потрудитесь с вечерним пароходом нам механика прислать.

Входит Мирон.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стыров, Коблов и Мирон.

Стыров. Здравствуй, Мирон! Что ты?

Мирон. Слышал, что у вас человека нет, так желаю послужить вам, Евдоким Егорыч, по-старому, как прежде я вам... верой и правдой...

Стыров. По-старому? И пить будешь по-старому?

Мирон. Нет, зачем же, помилуйте! Это даже совсем лишнее.

Коблов. Не ехать ли мне с вами?

Стыров. Нет, вы, Никита Абрамыч, горячи очень; тут надо быть хладнокровнее. *(Миرونу.)* Ну, так как же?

Мирон. Зачем пить? Пить не надо, Евдоким Егорыч. Ну его! Я и врагу не желаю.

Коблов. Вы мне телеграфируйте, что такое там у них.

Стыров. Непременно.

Мирон. Как же вы хотите, чтобы я пил?

Стыров. Да я вовсе не хочу. С чего ты взял?

Коблов. Дней пять пробудете, с проездом?

Стыров. Да, я думаю, не более.

Мирон. Нет, уж вы этого теперь от меня не дождетесь, потому я от себя надеюсь...

Стыров. Вот и прекрасно.

Мирон. Кабы в том что хорошее было, ну, тогда бы, пожалуй, отчего ж не выпить; а то ведь это только наша глупость одна и даже со вредом... Так к чему же это? Кому нужно? Кто себе враг? Да, кажется, наставь мне в рот воронку да насильно лей, так и то я... нет, не согласен; увольте, скажу...

Стыров. Как же ты прежде-то?

Мирон. Так как прежде мы были на холостом положении, ну уж аккуратности этой и не наблюдаешь; а теперь как можно! Теперь надо себя стараться содержать...

Стыров. Ну, хорошо, я тебя возьму на пробу, только уж не взыщи, если...

Мирон. Да нет, Евдоким Егорыч, ожидать мудрено, чтобы... Ни к чему не ведет, вот главное... Не хорошо, дурно, очень дурно.

Стыров. Сегодня же ты и поступишь. Я сейчас уезжаю; смотри без меня за порядком, за чистотой в доме, за всем.

Мирон. Понимаю, очень понимаю.

Стыров. Кто будет меня спрашивать, отказывай, говори, что меня в городе нет.

Мирон. Никого не буду принимать, вот как. Ох, как я вас понимаю!

Стыров. Понимать тебе нечего, а надо слушать и исполнять.

Мирон. Да уж вот как стараться буду, уж вот как... ну, уж одно слово... вот уж как; как раб... самый... который...

Стыров. Хорошо, ступай! Пособи там собрать мои вещи, ты это дело знаешь.

Мирон. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Коблов. Я пойду ответ напишу на телеграмму. Да надо приказать, чтобы лодка была готова принять вас, а то они проспят, пожалуй. *(Уходит в кабинет.)*

Входит Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Стыров и Мулин.

Стыров *(подавая руку)*. Я за вами посылал, Артемий Васильич.

Мулин. Что вам угодно, Евдоким Егорыч?

Стыров. Я записку составил, она там у меня, в кабинете на столе; надо ее хорошенько редактировать.

Мулин. Велика?

Стыров. Листов шесть, семь.

Мулин. А к какому времени вам она нужна будет, Евдоким Егорыч?

Стыров. Через неделю, не далее. Успеете?

Мулин. Как не успеть! Я сегодня же и начну заниматься.

Стыров. Только уж сами и перепишите начисто; это дело важное и весьма секретное; я, кроме вас, никому поручить его не могу.

Мулин. Благодарю вас и постараюсь оправдать ваше доверие.

Стыров. Да вы уж не один раз оправдывали. Я вам, любезнейший Артемий Васильич, больше доверю, чем это дело, я вам доверяю жену свою. Я получил телеграмму и сейчас уезжаю на несколько дней. Прошу вас на это время поступить в распоряжение Евлалии Андревны и быть ее кавалером. Если вздумает она погулять на бульваре или в общественном саду, так уж вы, пожалуй, будьте при ней неотлучно.

Мулин. Я прошу вас, Евдоким Егорыч, если только возможно, освободить меня от этой обязанности.

Стыров. Почему это?

Мулин. Наш город - сплетник, ужасный сплетник; за неимением новостей он ежедневно сам сочиняет внутренние известия.

Стыров. Что же могут сочинить про вас?

Мулин. Наше городское воображение отважно, оно ни перед чем не останавливается. Для людей, которым нужно говорить во что бы то ни стало, у которых зуд в языке, - святого ничего нет.

Стыров. Пусть говорят; мы с женой не боимся разговоров, да и вы не красная девушка. На что вам беречь свою репутацию? Иль жениться задумали? Вам еще рано, погодите немного! Нельзя же нашим женам без кавалера оставаться!

Входят Евлалия Андревна и Софья Сергевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стыров, Мулин, Евлалия и Софья.

Евлалия. Вы уезжаете?

Стыров. Да, сейчас. И вот оставляю тебе кавалера, Артемия Васильича. Тебе выезжать ведь некуда?

Евлалия. Нет, куда же! Я никуда не поеду без вас.

Стыров. А если вздумаешь в сад или на бульвар, так приглашай с собой Артемия Васильича.

Евлалия. Очень рада. Вы ненадолго?

Стыров. Не знаю; как дела потребуют; во всяком случае не более как на неделю.

Евлалия (Мулину). Вам не скучно будет со мной?

Стыров. Евлалия, разве так говорят? Ты на комплименты напрашиваешься.

Софья. А что ж за беда! Пусть молодой человек учится, ему в жизни пригодится.

Мулин. Мне учиться незачем; я и так умею.

Евлалия. А правду умеете говорить?

Мулин. И правду умею, когда нужно.

Евлалия. Только когда нужно? Да разве не всегда нужно правду говорить?

Софья. Да что вы, ребенок, что ли? Вас это удивляет, что люди не всегда правду говорят?

Евлалия. Так зачем же нас учили?

Софья. Да кто нас учил? Учителя. Им нельзя было не учить чему-нибудь, им за это деньги платят; а жить учиться уж мы должны сами.

Стыров. Вы, я вижу, в философию ударились. Философствуйте на здоровье; а нас извините, мы вас оставим. Пойдемте, Артемий Васильич, я вам покажу записку, про которую говорил.

Стыров и Мулин уходят в кабинет.

Евлалия. Зачем так шутить? Мужчины в самом деле могут подумать, что мы не всегда говорим правду.

Софья. Да разве я шутила, разве это шутки? Какие у вас еще ребячьи понятия! Это слезы, а не шутки. Женщина не только не всегда должна говорить правду, а никогда, никогда. Знай правду только про себя.

Евлалия. А других обманывать?

Софья. Конечно, обманывать, непременно обманывать.

Евлалия. Да зачем же?

Софья. Вы только подумайте, как на нас смотрят мужья и мужчины вообще! Они считают нас малодушными, ветреными, а главное, хитрыми и лживыми. Ведь их не разубедишь; так зачем же нам быть лучше того, что они о нас думают? Они считают нас хитрыми, и надо быть хитрыми. Они считают нас лживыми - и надо лгать. Они только таких женщин и знают; им других и не нужно, только с такими они и умеют жить.

Евлалия. Ах, что вы говорите!

Софья. Что ж по-вашему? Начать мужу доказывать, что я, мол, хорошая, серьезная женщина, гораздо умнее тебя, и чувства у меня гораздо благороднее, чем у тебя. Ну, что ж, доказывайте; а он будет улыбаться да думать про себя: "Пой, матушка, пой! Знаем мы вас; тебя на минуту без надзору оставить нельзя". Ну, утешительное это положение?

Евлалия. Да неужели это так?

Софья. Поживите, так увидите.

Евлалия. Но если мы лучше, так мы должны стать выше их.

Софья. Да как вы станете, коли в их руках власть, власть, ужасная тем, что она опошляет все, к чему ни коснется. Я говорю только про наш круг. Посмотрите, взгляните, что в нем! Посредственность, тупость, пошлость; и все это прикрито, закрашено деньгами, гордостью, неприступностью, так что издали кажется чем-то крупным, внушительным. Наши мужья сами пошлы, и ищут только пошлости, и видят во всем только пошлость.

Евлалия. Это вы говорите про женатых, а холостые?

Софья. Такие же.

Евлалия. Ну, уж я вам положительно не верю.

Софья. Как угодно. Дай Бог только, чтобы разочарование вам не очень дорого обошлось. Нет, я вижу, что вы совсем не знаете наших мужчин.

Евлалия. Но ведь в нашем кругу много иностранцев.

Софья. Да разве они лучше наших? Наши дружатся с ними, братаются, перенимают от них новые пошлости да сальные каламбуры и воображают, что живут по-европейски. Мой муж тоже уважает Европу и очень хвалит. Он бывал на юге Франции, знаком там со многими фабрикантами; но что же он вынес из этого знакомства? Он говорит: "Там мужья-то еще круче нашего с женами обращаются, там они вас вовсе за людей не считают". Вот вам и Европа! Не

надо нашим мужьям хороших жен! Они воображают, что жены-то еще пошлее и глупее их, и чрезвычайно довольны своей судьбой и счастливы. Если б Бог, каким-нибудь чудом, открыл им глаза и они бы увидели, что такое их жены в самом-то деле, насколько они выше их по уму, по чувствам, по стремлениям, как противны женской душе их хищнические инстинкты, они бы потерялись, затосковали, запили бы с горя.

Евлалия. Как же вы переносите такую жизнь?

Софья. Человек ко всему может примениться. Прежде мне очень тяжело было, а теперь и я не много лучше их; я такая, какую им нужно. Рано или поздно и с вами то же будет, или начнете дни и ночи в карты играть.

Входят Стыров, Коблов и Мулин.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евлалия, Софья, Стыров, Коблов и Мулин.

Стыров. Ну, что ж, решили вы свой спор?

Коблов. О чем?

Евлалия. Всегда ли нужно правду говорить?

Коблов. Ну, я женское решение этого вопроса давно знаю.

Евлалия. Какое же оно?

Коблов. Правду можно говорить иногда только приятельницам, и то с большой осторожностью; а мужьям никогда.

Софья. А вы женам разве говорите правду?

Коблов. Ну, это другое дело; нашу правду вам незачем и знать. С вас довольно и того, что мы находим нужным сказать вам; вот вам и правда, и другой никакой для вас нет.

Евлалия. Мне кажется, вы на жену смотрите, как на невольницу.

Коблов. А что ж такое, хоть бы и так? Слово-то, что ли, страшно? Вы думаете, я испугаюсь? Нет, я не пуглив. По мне, невольница все-таки лучше, чем вольница.

Стыров. Однако мне пора. Прощайте!

Евлалия. Не проводить ли мне вас на пароход?

Стыров. Нет, зачем! Там толкотня, суета.

Коблов. И мы домой, Софья Сергевна!

Софья. Хорошо, поедем.

Все уходят в залу. Слева выходит Марфа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марфа, потом Стыров.

Марфа. Уехали, что ли? (*Заглядывает в залу.*) Нет еще, целуются; прощаются. (*Оглядывая комнату.*) Не забыл ли Евдоким Егорыч чего? Это чья шляпа-то? А, это Артемия Васильича... ну, он, чай, вернется за ней.

Входит Стыров.

Стыров (*говорит в залу*). Подождите, я на одну минуту, я забыл кой-что... (*Марфе.*) Марфа, слушай! Береги Евлалию Андревну без меня! Ты знаешь, как я ее люблю.

Марфа. Да как же, помилуйте! Нешто я не вижу?

Стыров. Я в дороге все буду думать о ней: что она делает? не скучает ли?

Марфа. Уж как не думать? Конечно, думается.

Стыров. Так ты уж и не отлучайся от нее! Я, как приеду, так потребую от тебя отчет: что она без меня делала, говорила, даже думала. Я так ее люблю, что, понимаешь ли ты, мне все это приятно знать... все, все... мне это очень приятно. (*Дает Марфе кредитный билет.*)

Марфа. Понимаю, Евдоким Егорыч, будьте покойны.

Стыров. Не то чтоб я... ну, ты понимаешь; а уж я ее очень люблю. Так что смотри. Ну, не все же ей дома сидеть.

Марфа. Конечно, дело молодое...

Стыров. Так для прогулок или выехать куда я просил Артемия Васильича; а вот дома-то ты...

Марфа. Да уж будьте покойны!

Стыров уходит.

Ишь ты, старичок-то!.. Что он дал-то? (*Глядит на ассигнацию.*) Пять рублей... Значит, услуги требует. Что ж, ничего, не больно скупое. Да за что и дать-то больше? Доносить-то, должно быть, нечего будет. А коли будет что, так и с другой стороны, гляди, перепадет; тоже не покупятся. Бери то с того, то с другого - отличное дело. Люблю я такие места. Только умей себя вести, а то на что лучше! (*Прислушиваясь.*) Чу! Уехали. Пойти показать Липатычу, куда платье да белье Евдокима Егорыча убрать; там всё пораскидали. (*Уходит налево.*)

Из залы входят Евлалия и Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Евлалия и Мулин.

Мулин (*взяв шляпу*). Честь имею кланяться.

Евлалия. Куда вы?

Мулин. В контору.

Евлалия. Еще поспеете. Разве вам не приятно посидеть со мной десять минут?

Мулин. Очень приятно; но у меня есть дело: Евдоким Егорыч поручил мне большую и спешную работу.

Евлалия. Это одни отговорки. Вот уж больше недели мы живем в одном доме, и вы ни разу не

удостоили меня вашей беседы.

Мулин. Что вы говорите, помилуйте! Чуть не каждый день я у вас обедаю, да и по вечерам мы часто беседуем довольно долго.

Евлалия. Да, болтаем глупости, от которых уши вянут. Вы, впрочем, больше с мужем разговариваете да с посторонними, а не со мной. А вот так, наедине, вы ни разу...

Мулин. Наедине? Не помню... кажется, нет.

Евлалия. И вы никогда не искали случая, вы даже как будто стараетесь избегать его.

Мулин. Избегать - не избегаю и искать - не ищу. У нас нет никаких дел, никаких общих интересов с вами; нет ничего такого, что бы заставило меня искать случая говорить с вами наедине.

Евлалия. Интересов! А сама я для вас не интересна?

Мулин. Я вас не понимаю.

Евлалия. Вам не интересно знать, например, почему я вышла замуж за человека, который вдвое старше меня?

Мулин. Признаюсь вам, я и не думал об этом; это до меня нисколько не касается.

Евлалия. Нет, касается.

Мулин. Каким образом? Объясните, сделайте одолжение!

Евлалия. Мы с вами знакомы давно, задолго еще до моего замужества. Помните, как мы, бывало, в зале у маменьки музыку Шопена слушали, а на акте вальс танцевали; помните, с балкона на звезды смотрели.

Мулин. Очень хорошо помню.

Евлалия. Неужели вы никогда не замечали, неужели не видали?

Мулин. Нет, видел.

Евлалия. И оставались равнодушны?

Мулин. Кто же вам сказал, что я оставался равнодушен?

Евлалия. Так что же?.. Вам стоило только слово сказать, протянуть руку, и я пошла бы за вами без оглядки хоть на край света.

Мулин. Я это очень хорошо знал, и, если бы был богат, я бы не задумался ни на минуту. Но, Евлалия Андревна, каждый дельный человек думает о своей судьбе, вперед составляет себе планы; благородная бедность в мои планы не входила. Я мог предложить вам только нищету, и вы бы ее приняли. Нет, вы лучше поблагодарите меня, что я не погубил вас и не запутал себя на всю жизнь.

Евлалия. Значит, вы жалели, берегли меня?.. Вы любили меня?.. Очень?

Мулин. Да, вы мне нравились... Нет, зачем скрывать! Я любил вас.

Евлалия (задумчиво). И только бедность помешала нашему счастью?

Мулин. Да, конечно, только бедность, ничего больше.

Евлалия. Я так и думала. Теперь послушайте меня, послушайте мое оправдание!

Мулин. Зачем, Евлалия Андревна! Не надо.

Евлалия. Надо, Артем Васильич. Вы можете думать очень дурно обо мне, вы можете подумать, что я польстилась на деньги Евдокима Егорыча, что я продала себя. Я дорожу вашим мнением.

Мулин. Ничего дурного я о вас не думаю; я знаю, что вас выдали почти насильно.

Евлалия. Насильно выдать замуж нельзя: я - совершеннолетняя. Меня можно осуждать за то, что я слабо сопротивлялась, скоро сдалась. Да, все вправе осуждать меня за это; но не вы, Артемий Васильич.

Мулин. Почему же?

Евлалия (*опустя глаза*). Я знала, что вы живете в одном доме с Евдокимом Егорычем, что вы будете близко, что я могу вас видеть каждый день...

Мулин (*пораженный*). Что вы говорите?

Евлалия. Я принесла жертву для вас... я хотела уничтожить препятствие, которое нас разделяло.

Мулин. Вы уничтожили одно и создали другое: тогда вы были свободны, теперь у вас муж.

Евлалия. Ах, не говорите! Я не люблю его и не полюблю никогда. Я не знала... я думала, что выйти замуж без любви не так страшно; а потом... ах, нет... ужасно... перестанешь уважать себя. Он мне противен.

Мулин. Может быть, но я-то обязан Евдокиму Егорычу всем своим существованием и чувствую к нему глубокую благодарность. Не забудьте, я пользуюсь его доверием; он доверяет мне все, он доверил мне и вас. Злоупотреблять доверием у нас считается уж не проступком, а преступлением; это бесчестно, грязно...

Евлалия (*с сердцем*). Подбирайте, подбирайте: гадко, скверно, мерзко. Ну, так что же вы тут... стоите передо мной? Я не понимаю! Что вам нужно от меня?

Мулин. Ничего не нужно; вы сами меня остановили.

Евлалия. Да что у вас глаз нет, что ли? Вы слепы? Разве вы не видите, как я страдаю? Меня увезли от вас, три года возили по всей Европе... я старалась забыть вас (*со слезами*), но не могла... Я все еще люблю вас... Разве вы не видите?

Мулин. Вижу, и вижу также, что надо помочь этой беде, что я должен принять меры.

Евлалия. Какие "меры"?

Мулин. Мне надо переехать из вашего дома.

Евлалия. Да, вот что.

Мулин. Я уж говорил Евдокиму Егорычу, что и мне неудобно, и его я стесняю.

Евлалия. Так убирайтесь, убирайтесь; кто вас держит!

Мулин. Он не желает, чтоб я переезжал; но теперь это становится необходимым, и я настою.

Евлалия. Убирайтесь, сделайте одолжение!

Мулин. Я только дождусь его приезда.

Евлалия. Чем скорей, тем лучше.

Мулин. Честь имею кланяться! *(Идет к двери.)*

Евлалия. Да постойте же, постойте! Куда вы? Это странно: придет человек, повернется... не успеешь слова сказать.

Мулин. Что вам угодно?

Евлалия. Вы забудьте то, что я говорила сейчас! Вы не верьте моим словам: я сама не знаю, что со мной... на меня иногда находит... Все это вздор, глупый порыв... Вам переезжать из нашего дома незачем, решительно незачем... Я не стану искать свидания с вами... будем видаться только при муже, при посторонних... Так зачем же вам переезжать? Зачем бежать? Ведь это смешно...

Мулин. Нет, оно, знаете ли, все-таки покойнее.

Евлалия. Для кого?

Мулин. Для меня.

Евлалия. Какое же вам беспокойство жить здесь?

Мулин. Да не только беспокойство, даже опасность.

Евлалия. Чего же или кого вы боитесь?

Мулин. Вас, а более всего самого себя. Сохрани Бог! Ведь без ужаса нельзя себе представить, какие могут быть последствия. Я еще молод, вы тоже... На грех-то мастера нет.

Евлалия. Довольно, довольно! Уж, пожалуйста, не придумывайте! Оставайтесь! Чего вам бояться? Ведь уж я вам сказала, что мы будем видаться только при посторонних. Чего же вам!

Мулин. Да, если так... пожалуй, конечно.

Евлалия. Так вы останетесь?

Мулин. Извольте, останусь.

Евлалия. Ну, по рукам. Вот так. Будем друзьями!

Мулин. Друзьями, друзьями, и ничего более.

Евлалия. Да, да, еще бы! Ах, пожалуйста, не думайте дурно обо мне, Артемий Васильич! Я хорошая женщина.

Мулин. Помилуйте, смею ли я сомневаться. До свидания, Евлалия Андревна! Мне пора за дело приниматься.

Евлалия. До свидания, милый Артемий Васильич!

Мулин. Разве милый?

Евлалия. Милый, милый! *(Бросается к Мулину.)*

Мулин. Что вы, что вы?

Евлалия *(берет его за руку и смотрит в глаза).* Поцелуйте мою руку!

Мулин. Извольте, с удовольствием. *(Целует руку Евлалии.)*

Евлалия *(горячо целует Мулина; сквозь слезы).* Ведь вы моя первая и единственная страсть! *(Плача машет рукой.)* Уходите!

Мулин. Прощайте! *(Уходит.)*

Евлалия. Пять лет я мечтала, пять лет дожидалась свидания с ним... Он боится себя... Он меня еще любит. Как я счастлива! *(Почти рыдая.)* Как я счастлива! Мечта моей жизни сбывается. О, я еще увижу радости. Единственная моя радость - это он; мне больше ничего не нужно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Евлалия Андревна.

Мулин.

Софья Сергевна.

Марфа.

Мирон.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марфа (одна).

Марфа. Никак нельзя из дому отлучиться, никак нельзя. Вот ушла только на минуту, весь дом и разошелся. Так ведь я не без спросу. Отпросилась у Евлалии Андревны на полчаса, пока они с Артемием Васильичем на бульваре гуляют; вот я и опять дома. А это на что похоже! Живой души в доме нет; ни горничных, ни повара, ни дворников, разбрелись кто куда; один швейцар дремлет на подъезде, старые, прошлогодние газеты читает. Вот и Мирон Липатыч, только что стал на место, а уж бегать начал из дому, дивн бы молоденький. Вот что значит без хозяина: прислуга-то, как тараканы перед пожаром, и расползается вся. *(Прислушиваясь.)* Никак Евлалия Андревна подъехала? А в передней-то никого, некому и встретить. *(Уходит.)*

Входят Евлалия и Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евлалия и Мулин.

Евлалия. Благодарю вас! Мне, право, совестно, я столько отнимаю у вас времени.

Мулин. Еще до ночи долго, успею поработать и в конторе, и дома.

Евлалия. А ведь я одна, Артемий Васильич... Пожалейте меня! С ума можно сойти от тоски.

Мулин. Евлалия Андревна, я не могу оставаться с вами; у нас уговор был.

Евлалия. Ах, да, я знаю... Нет, я хотела только сказать вам несколько слов.

Мулин. Говорите, я слушаю.

Евлалия (*задумывается*). Что я хотела сказать-то вам? Да, об Софье Сергевне... Нет, нет, вот что...

Мулин. Что же именно?

Евлалия. Я так счастлива, так счастлива, когда иду с вами под руку на бульваре. Я воображаю, что вы мой, что мы связаны на всю жизнь.

Мулин. Какое у вас сильное воображение!

Евлалия. Чего желаешь, то само собой представляется; тут не надо сильного воображения. Ах, вот еще, вспомнила. Чему это засмеялась Софья Сергевна, когда встретилась с нами на бульваре? И потом все глядела на вас и улыбалась.

Мулин. Не знаю, Евлалия Андревна. Может быть, она догадалась, что вы воображаете; ведь женщины проницательны.

Евлалия. Ах, нет, почем она может догадаться? Это невозможно. Как чужие мысли знать!

Мулин. У вас лицо очень подвижно: когда вы счастливы, так у вас глаза так и сияют, точно вы хотите всем рассказать, какое счастье у вас.

Евлалия. Ах, да! Вот какая я несчастная! Вы говорили, что у меня лицо сияет, когда я счастлива; да часто ли это со мной бывает? Зато сколько я плачу... Да кажется, и все бы я плакала...

Мулин. Вам ли горевать, Евлалия Андревна? Чего вам еще недостает? Богатым людям жить можно; богатство - великое дело.

Евлалия. Да, богатство, конечно, хорошо; только, знаете ли, что мне не нравится?..

Мулин. Нет, не знаю. Что такое?

Евлалия. Зачем мужчины здороваются с дамами по-мужски, протягивают руку?

Мулин. А то как же еще прикажете?

Евлалия. Прежде целовали руку у дам.

Мулин. И теперь тоже иногда, коли коротко знакомы. Я у вас иногда целую руку.

Евлалия. Нет, уж вы всегда... Это дает мне право поцеловать вас.

Мулин (*кланяясь*). Слушаю-с.

Евлалия. Только вот что, Артемий Васильич; я замечала, что вы и у Софьи Сергевны целуете руку.

Мулин. Да как же иначе? Ведь ее муж - мой хозяин, точно так же, как и ваш.

Евлалия. Нет, нет, пожалуйста, не делайте этого никогда, никогда. Слышите вы, не целуйте руки ни у кого, кроме меня. Вон вы, на бульваре, со многими дамами и девицами кланяетесь... Нет, нет, я не хочу, чтоб вас целовал кто-нибудь, кроме меня.

Мулин. Евлалия Андревна, да ведь это странно.

Евлалия. Нет, нет, не хочу; и не говорите, и не расстраивайте меня! Да вам незачем и знакомым быть с женщинами! Зачем вам все эти женщины? Ну, я прошу вас, умоляю, оставьте все эти знакомства!

Мулин. Да помилуйте, зачем же я вдруг брошу хороших знакомых? Какую причину я могу придумать для этого, что сказать, когда меня спросят.

Евлалия. Значит, вы меня несколько не любите и не жалеете. Ну, коли я не могу, коли я страдаю... Ну, что ж мне делать? Ведь я не могу же перенести, чтоб вы были близки с какой-нибудь другой женщиной. Я умру... это выше сил моих.

Мулин. Евлалия Андревна, извините, мне пора.

Евлалия. Какой малости не хотите вы сделать для меня!

Мулин. Да разве это малость: не быть знакомым решительно ни с одной женщиной? Хороша малость!.. Однако я заговорился с вами, а у меня спешное дело. Его надо кончить до приезда Евдокима Егорыча; а он не нынче завтра будет здесь.

Евлалия. Что вы говорите? Так скоро? Да ведь он недавно уехал.

Мулин. Однако вот уже почти неделя.

Евлалия. А я и не заметила, мне показалось, дня два-три, не больше... я была как в раю.

Мулин. Честь имею кланяться. *(Целует руку Евлалии.)*

Евлалия. Когда ж опять? Вечером придете? Приходите!

Мулин. Не знаю; может быть, если успею.

Евлалия. Нет, непременно, непременно, я жду вас чай пить. *(В дверь залы.)* Марфа, Марфа, проводи Артемия Васильнча, в передней нет никого.

Мулин уходит. Марфа за сценой: "Там Мирон Липатыч". Евлалия уходит в свои комнаты.

Выходят Марфа и Мирон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марфа и Мирон.

Марфа. Вот, Мирон Липатыч, без года неделя вы живете в здешнем доме, а уж поминутно без спросу отлучаетесь; как ни хватись, вас дома нет.

Мирон. А кому печаль обо мне, кто так уж очень соскучился?

Марфа. Кому нужно тосковать об вас, - в передней никого нет, вот про что я говорю. Приходил Артемий Васильич, пальто некому снять. В этаким-то доме!.. На что это похоже!

Мирон. А зачем он приходил? Что он повадился? Он знай свою контору!

Марфа. Ну, уж это не вашего ума дело.

Мирон. За какими он делами ходил? Еще это надо разобрать, до тонкости надо это постигнуть.

Марфа. Ну, где же вам такие дела постигать, коли это много выше вашего понятия! Да и не к чему.

Мирон. А то "передняя"! Нешто я для передней нанят? Я здесь существую совсем на других правах.

Марфа *(качая головой)*. Эх, Мирон Липатыч! А еще зарок дали!

Мирон. Какой зарок?

Марфа. А насчет неаккуратности.

Мирон. Зарок! Очень нужно! Да что я, дурак, что ли? Стану я сам себя такого удовольствия лишать? Какая мне крайность. А то зарок! Связывать-то себя! Да даже и грешно. Как вы говорите: зарок давать! Да может ли человек знать, что с ним даже через час будет?

Марфа. Да что мне! Не я говорила, вы говорили.

Мирон. Я вот шаг шагнул, а за другой... Да позвольте! Вы про Езопа знаете?

Марфа. Про какого там Езопа? На что он мне?

Мирон. Но, однако, позвольте! Спрашивает его барин: "Езоп, куда ты идешь?" - "Не знаю", - говорит. "Как же, говорит, ты не знаешь? Стало быть, ты, братец, мошенник и бродяга. Посадить, говорит, его в тюрьму". Вот и повели Езопа в тюрьму; а он барину и говорит: "Вот моя правда и выходит, - знал ли я, что в тюрьму иду". Вот что! Должны вы это понять? Как же вы хотите, чтоб я зарок давал? С чего это сообразно?

Марфа. Ах, оставьте, пожалуйста; не я хочу, вы сами говорили.

Мирон. Когда? Не может этого быть, потому я еще, слава Богу, с ума не сошел.

Марфа. Да мне как хотите! Вы в таких летах, что сами об себе понимать можете. А только что вы сами говорили, что с Мироносицкой прикончили.

Мирон. Позвольте! Это точно. Только это совсем другой разговор. Был я тогда без места, какие были деньжонки, на Святой все прожил... ухнул. Ну, значит, и не на что было; поневоле пить перестанешь, коли денег нет. Что ж мне, воровать, что ли, прикажете?

Марфа. Да мне что за дело; хотите - воруйте, хотите - нет.

Мирон. Так еще согласен ли я воровать, вы меня спросите! Может, я не согласен. Я даже ужасно как этого боюсь. Попутает тебя грех в малом в чем, а на всю жизнь слава, что вор.

Марфа. Да что мне до вас! Как хотите. Только что нельзя свое место бросать.

Мирон. Какое свое место?

Марфа. Переднюю.

Мирон. Не мое это место; мое место много превозвышенное... я свыше поставлен.

Марфа. Толкуй еще!

Мирон. А вы как думали? Велика моя служба для барина, ох, велика! Ну, не знаю, между прочим, как оценит! А очень велика.

Марфа. Ну, ваше счастье, коли вы на такую высокую службу поставлены.

Мирон. Да, на высокую; а то как же ее назовете?

Марфа. Любопытно только знать, что эта за служба такая; потому что, может, вы и хвастаете.

Мирон. Что мне хвастать? Была оказия! Наблюдать я поставлен.

Марфа. Наблюдать? Над чем?

Мирон. За вами.

Марфа. За мной? Ну, уж это поздравляю вас соврамши!

Мирон. Не за вами собственно; кому до вас нужда, хоть бы вы там...

Марфа. Оставьте ваши глупости, прошу вас! Я их слушать не в расположении.

Мирон. Кому интересно за вами наблюдать? Смешно даже. А тут повыше... На это мне приказ есть строгий. Вот вы и знайте! И разговаривать теперь мне с вами больше уж не о чем. *(Уходит в залу.)*

Марфа. Скажите пожалуйста, какой наблюдатель нашелся!

Входит Евлалия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Евлалия и Марфа.

Евлалия. С кем ты тут разговаривала?

Марфа. С Мироном Липатычем.

Евлалия. А я думала, кто приехал. Тоска ужасная. *(Садится.)*

Марфа. Липатыч-то немного не в своем разуме, вот и рассыпает свои разговоры.

Евлалия. А разве он пьет?

Марфа. Да-таки частенько; он и прежде жил у Евдокима Егорыча, так за это же самое его сослали.

Евлалия. Зачем же его опять взяли?

Марфа. Не знаю, не наше дело. Коли ему поверить, так он очень важный человек в доме.

Евлалия. Какой важный? Что это значит?

Марфа. Да так, я думаю, городит он зря. Поверить-то мудрено, чтобы Евдоким Егорыч такое доверие сделал пьяному человеку.

Евлалия. Евдоким Егорыч знает, кому какое доверие сделать. Это до тебя не касается; об его распоряжениях судить ты не должна.

Марфа. Кабы не касалось, я бы и не говорила. В том-то и дело, что касается и меня, и вас, да и обидно очень.

Евлалия. Что за вздор такой! Не может быть!

Марфа. Бывать-то оно бывает, только что, конечно...

Евлалия. Да что такое?

Марфа. Извольте ли видеть, Липатыч величается, что будто Евдоким Егорыч поручил ему наблюдение...

Евлалия. Какое наблюдение?

Марфа. А над вами, Евлалия Андревна: кто в доме бывает? Как вы кого принимаете? Ну, и все такое.

Евлалия. Нет, я не верю: это что-то уж глупо очень.

Марфа. Нет, оно не вовсе глупо. Бывают жены, которых точно что без присмотру оставить нельзя никак. Ну, а другой женщине, которая себя чувствует не в том направлении, даже и обидно.

Евлалия *(встает)*. Да не только что обидно, это оскорбительно, невыносимо, это жить нельзя. И если это правда...

Марфа. Да позвольте, надо дело разобрать толком. Может, Евдоким Егорыч так что-нибудь сказали, к слову; а Липатыч принял за серьезное, да и возмечтал.

Евлалия. Да неужели Евдоким Егорыч способен на такую низость?

Марфа. Ведь и мужей, вот хоть бы Евдокима Егорыча взять, тоже надо судить по человечеству. Другой жену так любит, так любит, до страсти, ну и наставит сторожей на каждом шагу. Ведь они так думают, что это, мол, от любви от сильной, значит, жене обижаться нечего. Ну, пускай бы уж сторожей ставили, да только путных; а то пьяному человеку такое доверие делать, на что ж это похоже! У другой и в помышлении-то нет дурного, а пьяный лакей славит везде, что он надзирателем поставлен над барыней.

Евлалия *(хватаясь за голову)*. Ужасно, ужасно!

Марфа. Да вы не извольте беспокоиться; этому Мирону у нас не жить, уж я устрою. Вот только Евдоким Егорыч приедет, уж я подведу штуку. Что вам себя расстроивать, из чего? Диви бы кто путный говорил, а то Мирон; ему верить-то один раз в год можно. Какой он слуга! Вы изволили уехать, а он, не спросясь, ушел, оставил дом пустой. Я уходила, так я спросилась.

Евлалия *(садится)*. Да, ты спросилась. *(Задумчиво.)* Куда ты ходила?

Марфа. В разных местах, матушка, была. К племяннику заходила в аптеку, он там в мальчиках помаленьку обучается.

Евлалия *(задумчиво)*. Да... в аптеку... что ж там?

Марфа. Да что, еще к чему важному его не приставляют покуда; при пластырях да при девичьей коже находится. Заходила навестить его, кстати уж отравы попросить.

Евлалия. Какой отравы?

Марфа. Для всякого гаду; в кладовой развелись. А я же боюсь их до страсти. Вчера на мыша наступила, так час без чувств в забвении лежала. Вот и дали мне такого яду.

Евлалия. Яду?

Марфа. Да-с, чем волков травят. Шарики такие из хлеба скатаны. Они сказывали, да названье-

то такое мудреное. Вот он у меня. (*Показывает пузырек.*)

Евлалия. Ах, нет, дай сюда, дай! Я боюсь, ты как-нибудь, по неосторожности, нас отравишь. Я уберу подальше. Когда тебе нужно, спроси! При мне и сделаешь шарики.

Марфа (*отдает пузырек*). Хорошо-с. Потом у племянницы была; она в горничных живет в хорошем доме, у немцев у богатых; чайку у ней попила. Новость я там слышала. Вам, Евлалия Андревна, скоро лишний расход будет.

Евлалия. Как расход?

Марфа. Придется платье богатое шить либо два.

Евлалия. Зачем? У меня много.

Марфа. Сколько бы ни было, а все надо новые шить, уж никак не миновать; на свадьбе пировать придется.

Евлалия. На какой свадьбе?

Марфа. Уж не знаю, говорить ли; может, это дело в секрете содержится. Да оно, конечно, какой уж секрет, коли в другом доме прислуга знает. Где племянница-то моя живет, так рядом с ними дом купца Барабошкина; у них барышня есть, не больно чтобы красива: рябовата немножко и косит малость - все как будто назад оглядывается, - ну, и конфузлива.

Евлалия. Так что же?

Марфа. Коли вдруг покраснеет при посторонних, так уж никакими способами заставить ее разговаривать невозможно. Лучше отстать, а то хуже: вовсе заплачет. Но только денег за ней дают очень много, даже если считать, так, кажется, ни в жизнь не сочтешь. Так вот и говорят, что наш Артемий Васильич сватается. Ну, а коли сватается, так и женится - чего ж еще им? Жених во всей форме.

Евлалия (*в испуге*). Кто, ты говоришь, сватается?

Марфа. Артемий Васильич.

Евлалия. Не может быть, не может быть; я бы знала.

Марфа. Уж так точно, будьте спокойны. Вот жаль только, к Барабошкиным-то я не зашла, у меня там тоже кума есть, узнала бы все до ниточки.

Евлалия (*потерявшись*). Ну, так что же ты?.. Как же это, ну, как же не зайти?

Марфа. Да не посмела, домой торопилась.

Евлалия. Да нет... как не зайти!.. Да, Господи Боже мой! Что же это, право! Ведь надо, надо узнать.

Марфа. Так далеко ли тут; я ведь и сбегаяю, коли прикажете.

Евлалия (*со слезами*). Да ты пойми... как же это? Ведь он мне ничего не говорил... ведь надо же мне узнать-то?

Марфа. Да сейчас... Что ж такое!

Евлалия. Ведь он мне ни слова, решительно-таки ни слова... Отчего ж он не говорил? (*Плачет.*) Все бы уж лучше сказать, а то как же так, потихоньку-то? Ну, зачем, зачем он это?

Марфа. Да что вы, матушка, что вы? Вот мы сейчас разберем.

Евлалия. Ведь не шутки, в самом деле... Он обманывал меня, утешал, как ребенка; он за шутку, что ли, считал?.. Шутить над сердцем! *(Плачет.)*

Марфа. Да успокойтесь, матушка Евлалия Андревна!

Евлалия. Ах, оставь меня!

Марфа. Так я побегу. *(Смотрит на Евлалию.)*

Евлалия. Что ты смотришь? Это я так... Это со мной вдруг... *(Улыбаясь.)* Вот я какая! А ты все-таки сходи!

Марфа. Я мигом. Не за горами, тут близко.

Евлалия. Да поскорей, пожалуйста, поскорей!

Марфа уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Евлалия, потом Мирон.

Евлалия. Что же он думает обо мне, за кого меня принимает? При его уме, при его благородстве такой поступок необъясним... Он не легкомыслен, его деньги привлекать не могут; такие люди на богатство не прельщаются. Я его знаю, понимаю... он должен презирать богатство... Значит, он меня не любит? Тогда зачем жить? Мечта моя исчезает, и что ж остается? Муж... человек мелочной, без души... родные, знакомые, все это эгоисты, холодные... Что за жизнь, что за жизнь!.. Нет, без него весь мир пустеет для меня. Был один человек в этом скучном мире, человек с возвышенным умом... с нежными, благородными чувствами... честный, бескорыстный... моя душа поняла его, оценила... и его нет. Если спросить меня, зачем я живу... я не найду ответа... Цели в жизни нет... жила для него... его нет... Да, у меня ничего нет, ничего нет, все оборвалось... *(Плачет.)* Вот придет, что-то скажет?.. Что скажет?.. Еще какой-то луч надежды блеснит. *(Сидит задумавшись.)*

Входит Мирон.

Мирон. Софья Сергевна-с!

Евлалия. А?

Мирон. Софья Сергевна приехали-с. *(Уходит.)*

Входит Софья Сергевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Евлалия и Софья.

Софья. Что вы это? Что с вами? Вас узнать нельзя.

Евлалия. Нездоровится что-то.

Софья. Не верю. Вы расстроены, огорчены чем-то. Знаете ли, когда человек очень огорчен, не

надо сдерживать себя, надо или плакать, или браниться, или поскорей поделиться с кем-нибудь своим горем. А то начнешь думать, думать, и представится тебе, что больше твоего горя и на свете нет, что и жить-то тебе незачем. Здраво-то обсудить своего положения мы не можем, душа-то угнетена, и нанизываешь разные ужасы да несчастья, как на нитку. Нет, это вредно, это даже опасно. У вас я большого горя не подозреваю...

Евлалия. Нет, у меня очень большое горе.

Софья. Не верю; это вам только так кажется; но все-таки помочь вам надо. Я не любопытна и сама не откровенна, вообще откровенностей не люблю; но вас попрошу рассказать мне ваше горе, хоть намеком. Вы еще так неопытны.

Евлалия. Благодарю вас за участие. Вот мое горе: я люблю одного человека, очень давно люблю, да я больше никого и не любила в жизни... Мне казалось, что и он меня любит - и я его теряю.

Софья. Он уезжает далеко? Вам грозит разлука?

Евлалия. Нет.

Софья (с участием). Он болен, умирает?

Евлалия. Нет. (Со слезами.) Он женится.

Софья. Он сам вам это сказал?

Евлалия. Ах, нет, потихоньку, обманом.

Софья. И вы, конечно, додумались, что уж вам теперь жить нельзя?

Евлалия. Цели в жизни нет, так зачем же?

Софья. Со мной очень недавно был точно такой же случай: я любила человека и верила ему; а он вздумал потихоньку от меня посвататься. Да вот видите, я жива и даже весела.

Евлалия. Я жила только этой любовью, для меня другого интереса в жизни нет.

Софья. Да, я понимаю, у вас горе большое; а все-таки помочь ему можно.

Евлалия. Нет, оставьте меня с моим горем, помочь ему средств нет.

Софья. Напрасно, я знаю два. Каким из них я сама воспользовалась, я вам не скажу; а вышло хорошо. Вот первое: написать под разные женские руки несколько слезных писем с жалобами на обольстителя, а иные с угрозами, да и послать родителям невесты.

Евлалия. Что вы, что вы! Можно ли решиться? Это так дурно, нечестно.

Софья. Нет, ничего, средство хорошее, особенно если человек женится по расчету, без любви, то есть меняет вас и вашу любовь на деньги. Такого жалеть нечего. Если ж действительно он полюбил девушку и она его, ну, тогда нужно другое средство.

Евлалия. Какое?

Софья. Постараться забыть его и поскорей найти другого.

Евлалия. Найти другого? Да разве их много таких, кого любить можно? Может быть, только один и был, который стоит моей любви, который имеет все достоинства.

Софья. То-то и беда, что все эти достоинства только в вашем воображении. Полюбите вы самого обыкновенного, дюжинного человека, вообразите себе его героем, да и ждете от него разных подвигов: бескорыстной преданности, самоотвержения...

Евлалия. О нет, я люблю недюжинного человека.

Софья. Трудно верить.

Евлалия. Таких людей немного, это исключение... в нем всё... мне кажется даже, что он поэт.

Софья. Мне жаль вас. Как бы мне хотелось поскорей разочаровать вас насчет этого поэта. Кто он такой, я не знаю; но я уверена, что все его достоинства сочинены вами.

Евлалия. Почему же вы так думаете?

Софья. Вас до двадцати пяти лет держали взаперти, в полном неведении, вас изуродовали глупым воспитанием. Знания людей и жизни у вас нет никакого, душа впечатлительная, жажда любви сильная; ну, понятное дело, как только вас выпустили на волю, первый встречный мужчина и должен вам показаться идеальным существом.

Евлалия. Что же, я не должна, по-вашему, ни чувствовать, ни любить?

Софья. Кто вам говорит! Чувствуйте, любите, только умейте разбирать людей и пользоваться жизнью. Вы очень богаты, муж ваш очень добрый, ни в чем вам не отказывает; чего вам еще? Вам бы только жить да радоваться. Не налагайте на себя новых цепей, мы и так скованы. Выбирайте в жизни только легкое и веселое, а неприятностей-то нам и от мужей довольно. Старайтесь больше знать, тогда будете меньше воображать.

Евлалия. Да что же я воображаю?

Софья. Все; и все, разумеется, навыворот.

Евлалия. Например?

Софья. Извольте. Вам случалось когда-нибудь долго ждать вашего поэта? То есть он обещал прийти, да нейдет.

Евлалия *(с тоской)*. Ах, да, случалось.

Софья. Что же вы думали в это время?

Евлалия. Что он очень занят, что он спешит, торопится...

Софья. Лететь на крыльях любви? Вот это воображение; а в действительности ничего этого нет.

Евлалия. А что же есть?

Софья. Сидит он с приятелями, играет в карты, в винт, по двадцатой доле копейки, и думает: "Вот наказание-то Божеское; надо идти нежничать".

Евлалия *(смеется)*. Ах, нет. Что вы... в карты! Нет, не может быть!

Софья. Ну, вот, я вас хоть успокоить не успокоила, а все-таки развлекла, развеселила немного. Прощайте!

Евлалия. Благодарю вас.

Софья. Пожалуйста, не задумывайтесь, не отдавайтесь горю, делитесь им со мной! Мы обе несчастные женщины, обе изуродованные рабством; вы - в детстве, а я - в замужестве; мы обе невольницы; так будем друзьями! Я к вам завтра заеду, мы еще потолкуем. *(Уходит в залу. Евлалия за ней.)*

Евлалия возвращается с Марфой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евлалия и Марфа.

Евлалия *(хватаясь за грудь)*. Ну, что? Говори скорей!

Марфа. Да ничего: не извольте беспокоиться.

Евлалия *(весело)*. Значит, вздор; сватовства никакого не было.

Марфа. Нет, сватовство-то было...

Евлалия. А!.. было... *(Садится в задумчивости.)*

Марфа. Да ничего не вышло.

Евлалия. Отказали?

Марфа. Отказали. Законфузилась невеста, что очень полирован, или что там другое, уж не знаю... Другой жених есть, побогаче и попроще.

Молчание.

Евлалия *(задумчиво, с расстановкой)*. Артемий Васильич хотел прийти к нам чай пить.

Марфа. Ну, что ж, пущай.

Евлалия. Ты не знаешь, он дома?

Марфа. Дома, дома. Сейчас видела в окно, сидит...

Евлалия. Занимается?

Марфа. Нет, в карты играют с приятелями.

Евлалия. В карты?.. *(Встает и ходит по комнате.)* А как ты полагаешь, Софья Сергевна умная женщина?

Марфа. Чего еще? Тонкая дама... насквозь все видит: только взглянет на тебя, так, кажется, всю твою душу и знает.

Евлалия. Послушай, сходи, пожалуйста, к Артемию Васильичу, скажи ему, что я жду его чай пить, чтоб он шел сейчас.

Марфа. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Евлалия. Если он ответит, что ему некогда, что он занят делом, я сама пойду к нему и застаю его за картами. Как ему будет стыдно!.. О, если б он поскорей пришел! Я боюсь, что у меня пройдет все негодование, весь гнев. *(Молчание.)* Нет, я прощу ему, прощу все, только бы он не покидал меня. Разумеется, я ему выскажу, как он огорчил меня своим сватовством; но выскажу

не с упреком, а с кроткой жалобой, со слезами. Он устыдится своего поведения, он будет раскаиваться. У него душа прекрасная... он еще легкомыслен немного, увлекается... но он оценит мою любовь и уж более изменять мне не будет.

Входит Марфа.

Марфа. Сейчас идут.

Евлалия. Хорошо, ступай! Скажи Мирону, чтоб никого не принимал.

Марфа. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Входит Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евлалия и Мулин.

Мулин (*с недовольным видом*). Вы за мной посылали?

Евлалия. Да, посылала. Вы, вероятно, забыли?

Мулин. Нет, я ничего не забываю. Что вам угодно?

Евлалия. Вы обещали со мной чай пить.

Мулин. Я это очень хорошо помню. Теперь еще рано; через час, через полтора я буду к вашим услугам.

Евлалия. А теперь разве вам некогда, у вас есть дело? Что вы делаете?

Мулин. Что бы я ни делал, это все равно; я не свободен. Через полтора часа я буду иметь честь явиться к вам.

Евлалия. Но мне нужно говорить с вами, у меня очень важное дело; я не могу ждать.

Мулин. Важное ли, Евлалия Андревна?

Евлалия. Очень важное и серьезное.

Мулин. Сомневаться не смею. Извольте, я слушаю.

Евлалия. Ах, я просто не знаю, как начать...

Мулин. Начинайте с начала.

Евлалия. Это невыносимо! (*Подносит платок к глазам.*)

Мулин. Слезы! Ну, по такому началу ничего хорошего ожидать нельзя.

Евлалия. Вы... вы виноваты передо мной, непростительно виноваты, и вы имеете еще дерзость так разговаривать со мной! Что мне думать о вас?

Мулин. Я виноват перед вами? Не ожидал.

Евлалия. Вы хотели жениться...

Мулин. Да, вот что! Но ведь я не давал обета безбрачия, сколько мне помнится.

Евлалия. И не сказали мне ни слова.

Мулин. Я не знаю, Евлалия Андревна, обязан ли я отдавать вам отчет в своих поступках.

Евлалия. Как вы дурно понимаете ваши обязанности! Вы знаете, что я вас люблю, что я только и живу этой любовью, и вы осуждаете меня на разлуку и не потрудились даже приготовить меня к ней, предупредить меня.

Мулин. Да ведь я не женился.

Евлалия. Не женились, потому что вам отказали. Довольно и того, что вы сватались.

Мулин. Послушайте, ведь я не мальчик, не под влиянием минутного увлечения, не очертя голову я хотел жениться; я должен думать о своей будущности, мне нужно составить себе положение.

Евлалия *(не слушая)*. Свататься потихоньку, украдкой от женщины, нежно любящей! Ведь вы знаете меня: я - женщина несчастная, я очень ревнива. Для меня больно, когда вы даже разговариваете с какой-нибудь женщиной; я просила вас бросить все женские знакомства; я приказывала вам не целовать руки ни у кого, кроме меня.

Мулин. Приказывали! Но, Евлалия Андревна, ведь надо, чтобы я согласился исполнять ваши приказания.

Евлалия. Это выше сил моих! Нет! Вы будете исполнять мои приказания! Я буду следить за вами, не спущу с глаз. Если вы вздумаете свататься или ухаживать за какой-нибудь женщиной, я тогда не пожалею ни вас, ни себя; я не побоюсь никакого скандала: я открыто объявлю и мужу, и всем, что вы меня завлекали.

Мулин. Что вы, что вы!

Евлалия *(не слушая)*. Что я вышла замуж для вас, что между нами было условлено.

Мулин *(с испугом)*. Евлалия Андревна, успокойтесь!

Евлалия. Вам этого мало? Я лишу себя жизни. Вот видите! *(Вынимает из кармана пузырек.)*

Мулин *(прочитав надпись)*. Nux vomica, это целибуха, стрихнин, этим не шутят.

Евлалия. Да я и не шучу. Если бы ваше сватовство удалось, меня бы не было на свете. Все мечты, все надежды разбиты; разве можно жить после этого, разве можно?

Мулин. Евлалия Андревна, я ведь не знал... я думал...

Евлалия. Что же вы думали? Ах, не говорите, не огорчайте меня еще! Я и так глубоко, глубоко несчастная женщина. *(Плачет.)*

Мулин. Евлалия Андревна, успокойтесь, успокойтесь! Я виноват действительно, я сознаюсь.

Евлалия. Очень, очень виноваты.

Мулин. Я сознаюсь, сознаюсь. Ну, простите меня! Этого вперед не будет, поверьте. Простите меня.

Евлалия. Я прощу вас, конечно... Что же мне делать? Только не покидайте меня так безбожно.

Мулин. Нет, нет, уверяю вас. Успокойтесь, вы так взволнованы!

Евлалия. Погодите... погодите! Дайте мне собраться с мыслями!

Мулин. Я теперь вижу, какое беспокойство и огорчение я вам доставил, и прошу вас извинить меня. Моя прямая обязанность была беречь вас и покоить, удалять от вас всякие неприятности и огорчения...

Евлалия *(не слушая)*. Я не дурная женщина, Артемий Васильич. Вы не судите меня по моим вспышкам. Я иногда сама себя не узнаю, иногда сама пугаюсь своих слов.

Мулин. Ну, простите меня, и кончено дело.

Евлалия. Я вас прощаю.

Мулин. Заключим вечный мир!

Евлалия. Да, вечный, вечный.

Мулин. И чтоб уж больше не вспоминать никогда об этом.

Евлалия. Никогда.

Мулин. Ну вот, по рукам. *(Целует руку Евлалии.)* Прекрасно. Через час или через полтора я приду к вам чай пить и останусь у вас, сколько вам угодно.

Евлалия. Так смотрите же, я буду ждать вас! Через час?

Мулин. Через полтора.

Евлалия. Постойте! *(Кладет руку на плечо Мулина и долго смотрит на него.)* Вы поэт?

Мулин. Не замечал этого за собой.

Евлалия. Вы скрываете. Принесите мне как-нибудь ваши стихи, мы будем читать вместе. Так через час?

Мулин. Через полтора. До свидания, до скорого и приятного свидания! *(Целует руку Евлалии и идет в залу.)*

Евлалия *(у дверей)*. Так через час?

Мулин. *(из залы)*. Вернее, что через полтора.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Стыров.

Евлалия Андревна.

Мулин.

Марфа.

Мирон.

Кабинет Стырова; в глубине дверь в гостиную, направо во внутренние комнаты; богатая кабинетная

мебель в беспорядке; камин, на нем часы и проч., большой письменный стол, на нем ящик с сигарами,

золотой портсигар, разные вещи и бумаги; всё в беспорядке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мирон (один, стоит посредине комнаты).

Мирон. Трещит моя головушка, врозь разваливается! *(Смотрит в каминное зеркало.)* Ого, физиономия-то! Эна, а! Ах, шут-те! Точно из аду на время выпущен. Отделал я себя за неделю-то! Что говорил, что творил, ничего не помню. Барин-то приехал, посмотрел на меня, только головой покачал. Как ее теперь поправишь? *(Смотрит в зеркало.)* Вона, глаза-то! Как у разбойника; точно в семи душах повинился. Разве вот что?.. Пстой! *(Достает платок из кармана.)* Я щеку завяжу, будто зубы болят. *(Завязывает щеку.)* Вот так. *(Смотрит в зеркало.)* Ну, вот, теперь не в пример лучше. Больной человек, больше ничего сказать нельзя. Теперь кто ни взгляни, особенно если он человек с душой, так пожалеть должен, а не то чтобы... *(Смотрит по сторонам.)* За что взяться-то, не знаю, руки-то точно не свои. В кабинете-то с самого барина отъезду не убирал ни разу. Пыли-то, пыли-то! Уж не трогать *(махнув рукой)*, а то хуже. После уберу.

Входит Марфа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мирон и Марфа.

Марфа. Мирон Липатыч, где Евдоким Егорыч? Евлалия Андревна прислали узнать.

Мирон. В контору пошел.

Марфа. Что это вы, как подвязались?

Мирон. Зубами маюсь.

Марфа. Ну, да ведь оно даром-то не проходит; надо ж чему-нибудь быть. Жаловаться не на кого. Ведь оно, вино-то, разное уродует человека: у кого зубы, у кого что; а кого и вовсе перекосит. Как Евдоким Егорыч рано приехали!

Мирон. В семь часов, я только успел глаза продрать.

Марфа. Уж вы больно долго нежитесь. Нет, уж я чай пила, как Евдоким Егорыч приехал. Сейчас свежего чаю заварила хорошего, в одну минуту и подала ему. Оно и хорошо; с дороги-то приятно, и спрашивать да дожидаться не заставила; значит, аккуратность, как будто его ждали!

Мирон. Что ж аккуратность! И у меня, кажется, все в порядке.

Марфа. Уж какой порядок! Черт ногу переломит. Вы посмотрите, что в кабинете-то! У хорошего кучера в конюшне чище.

Мирон. Вы сами не знаете, что говорите. Нешто вы можете понимать, что такое кабинет?

Марфа. Жаль, не знала я, что здесь такой беспорядок, я бы убрала на досуге за вас.

Мирон. Ну да, как же! Так бы я вас и пустил в кабинет! Сюда без Евдокима Егорыча, кроме меня, никому ходу нет; потому за каждую малость я отвечаю. Он не любит, чтобы в кабинете какую вещь трогали; у него что где лежало, чтобы там и было. Как же я тут стану убирать? А ну, сдвинешь, переложишь али пошевелишь что! Ан за это неприятность бывает нашему брату. Нет (*грозит пальцем*), тут чтобы ни синя пороха!.. А вот Евдоким Егорыч посмотрит, увидит, что все на своем месте, ну, тогда я и уберу. А то беспорядок! Да в кабинете так и должно! Вы этого понимать не можете.

Марфа. Ну, а в передней? Щетки сапожные у вас по полу раскиданы, сапоги на окне, вакса на столике перед зеркалом, вместе с гребенками и головными щетками. Это тоже так нужно?

Мирон. Ну, а в передней я уберу, это минутное дело. Есть об чем разговаривать! Вот нашли материю! (*Уходит.*)

Марфа. "Никого не пуцу в кабинет". Ишь ты, строгий какой! Всю неделю ничего не делал, палец об палец не ударил, одним только безобразием занимался, да еще важничает. "Я не за тем в доме, чтобы комнаты убирать, я над вами надзирателем поставлен". Лежа на боку, ябедничеством выслужиться хочет. "Чтобы все на своем месте было". погоди ж ты! (*Переставляет разные вещи с места на место. Берет со стола золотой портсигар.*) Куда б его спрятать подальше, чтоб не скоро нашли? погоди! Я его положу в шахматный столик в гостиной, благо он не заперт; а ключик суну куда-нибудь на стол в бумаги. Вот и пусть Евдоким Егорыч посмотрит, все ли на своем месте у исправного слуги. (*Прислушивается.*) Да никак Евдоким Егорыч там с Евлалией Андревной разговаривает? словно его голос-то! Побегу поскорей! (*Уходит в гостиную.*)

Справа входит Стыров и садится к столу. Марфа возвращается, не замечая Стырова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Стыров и Марфа.

Стыров. Что ты, Марфа?

Марфа. Ах, Евдоким Егорыч, я вас и не видала... Да вот ключик какой-то на полу подняла.

Стыров. Покажи!

Марфа. Извольте! (*Подает ключ.*)

Стыров. Это от шахматного столика. (*Кладет ключ в карман.*) Что за беспорядок у меня! Этого никогда не было. Что же Мирон-то делал?

Марфа. Убрали бы и без него, да он не пуцал никого; без вас чтобы никто в кабинет не ходил. Один тут распоряжался.

Стыров. Не начал ли он опять?

Марфа. Греха таить нечего; без вас он осторожности над собою не наблюдал!

Стыров. Ну, как же вы тут жили без меня?

Марфа. Да как жили? День да ночь - сутки прочь. Скучали без вас, Евдоким Егорыч!

Стыров. Отчего Евлалия Андревна как будто расстроена немножко?

Марфа. Да все от того же, от скуки.

Стыров. Чай, навещали Евлалию Андревну? Без меня кто бывал у вас?

Марфа. Софья Сергевна раза два-три заезжала да Артемий Васильич забегал кой-когда, больше никого не было.

Стыров. А сама-то она выезжала?

Марфа. Разве погулять когда, а то все дома. Вот вчера самовар до одиннадцати часов ночи на столе стоял: все поджидали, не подойдет ли кто; так никого и не было, весь вечер одне сидели.

Стыров. Да, скучно ей; я понимаю, что скучно. Ну, вот теперь я приехал, так будет жить повеселее. Что я своего портсигара не вижу? Он всегда на одном месте лежит, вот здесь!

Марфа. Не знаю, Евдоким Егорыч, ничего я здесь не знаю; надо у Мирона Липатыча спросить.

Стыров. Пошли его сюда.

Марфа (в дверях в гостиную). Мирон Липатыч! Вас Евдоким Егорыч требуют. (Уходит.)

Входит Мирон.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стыров и Мирон.

Стыров. Что ты щеку-то завязал, зубы, что ль, болят?

Мирон. У-у-у! (Мычит.) Страсть!

Стыров. Что-то пыли много в кабинете, я замечаю.

Мирон. Как же ей не быть, коли я тут ни до чего не касался. Ни-ни! Неравно, что стронешь; а этого господу не любят. Где что есть, чтобы там и было. Я даже никого близко к кабинету не подпускал. Вот теперь вы изволите видеть: все на своем месте, вот я и приберу.

Стыров (открыв сигарный ящик}. Ты и сам ничего не трогал, и других не пускал?

Мирон. И... ни синя пороха!

Стыров. Благодарю. А где же сигары? Их было больше пол-ящика; а теперь что? (Показывает ящик.) Посмотри!

Мирон. Сигары. Это я виноват-с; уж очень зубы одолели, хоть на стену лезь, - так парочку взял. А что касается другого прочего, так уж я за всем блюл. Никого не подпускал, потому я один должен отвечать, с меня спросят.

Стыров. Да, с тебя. Ну, сигары ты выкурил?

Мирон. Это - виноват-с.

Стыров. А портсигар где?

Мирон. Какой же это портсигар-с?

Стыров. Мой портсигар, золотой.

Миرون. Золотой. Знаю-с, как же мне не знать!

Стыров. Где же он?

Миرون. Портсигар... надо быть, здесь-с.

Стыров. Я знаю, что ему надо быть здесь; только нет его.

Миرون. Нет? Где ж ему быть? Оказия!

Стыров. Он лежит всегда на одном и том же месте.

Миرون. Да знаю, как не знать-с! Вот здесь ему лежать следует.

Стыров. Да, здесь следует. А здесь ли он?

Миرون. Никак нет-с.

Стыров. Ну, так вот ищи!

Миرون. В столе изволили смотреть?

Стыров. Изволил.

Миرون. Как же это так? Я, кажется, не брал.

Стыров. Плохо дело, коли тебе только кажется.

Миرون. Вором я еще не бывал. Есть за мной слабость, это точно, а этого качества нет.

Стыров. Да я тебя вором и не называю; только портсигара нет.

Миرون. Это я разыщу, я так не могу оставить. Я, коли что, так и к ворожее пойду. Она скажет.

Стыров. Ведь ты говорил, что никто сюда не ходил, что ты один тут был; так об чем же тут ворожить?

Миرون. Все-таки лучше. Нет, к бабушке надо сходить, уж по крайности дело верное. На кого укажет, тот и виноват: может, и на меня укажет, ну, тогда, значит, я - вор. Коли я не воровал, так мне ворожбы бояться нечего!

Стыров. Нет, уж лучше без ворожбы! Ступай ты от меня сегодня же. Не за воровство я тебя сгоняю - может быть, ты и не виноват, - а за то, что у тебя зубы болят. Мне здоровых слуг нужно. Жалованье за неделю в конторе получишь. Прощай! *(Уходит в дверь направо.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Миرون (один).

Миرون. Ох! Догулялся! Вот так раз! Все и похмелье соскочило. Однако я влетел! Как мне теперь самого себя понимать, уж не знаю. Кажется, не брал. Эка память! Ежели мне так на себя думать, что я его украл да продал, - так где же деньги? Тогда, значит, я бы богат был; а я нынче все утро по всем своим карманам шарю - нигде пяточок не найду, самого-то нужного пяточка. Не взял ли я его похвастать, что вот, мол, какие у нас вещи, да, может, вытащили из кармана? Хошь зарежь, ничего не помню. А только я знаю, что не может этого быть, никогда я

господских вещей не брал. Разве по ненависти кто подшутил? Вот это похоже на дело. Пуще всего теперь к ворожее надо. Не скажет ничего - ну, конец, повешусь, - больше мне себя определить некуда. А укажет человека, так я его, кажется... ух! что сделаю. Зубами съем. *(Хватаясь за голову.)* Тут что еще мотается? Ах, да, платок. Нет, уж теперь этот маскарад надо отменить. *(Развязывает платок.)* Надо приняться за розыск, вором остаться не желательно. *(Уходит в залу.)*

Справа выходят Стыров и Евлалия, которая останавливается в дверях. Из залы входит Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стыров, Евлалия и Мулин.

Стыров *(Евлалии)*. Я сделаю несколько визитов, заеду к Кобловым. Не нужно ли сказать чего от тебя Софье Сергевне?

Евлалия. Пригласи ее к нам сегодня.

Стыров. Да, да! Я и еще кого-нибудь позову. *(Мулину.)* И вы приходите! Поиграем в карты, поужинаем. Вот и прекрасно.

Евлалия уходит.

Мулин. Благодарю вас. Я приду, я нынче вечером свободен. Вот я принес записку, которую вы мне давали.

Стыров. Положите на стол. Вот еще есть дело. *(Вынимает бумагу из кармана и подает Мулину.)* Посмотрите повнимательнее эту бумагу и сделайте на полях свои заметки.

Мулин. Я ее возьму с собой, а вечером вам доставлю.

Стыров. Нет, я прошу вас, займитесь здесь.

Мулин. Евдоким Егорыч, неужели вы мне не доверяете?

Стыров. Я вам вполне доверяю, но такого рода бумаги не должны выходить из моего кабинета. Да и дела-то тут всего на четверть часа; не стоит ходить взад и вперед. До свиданья! *(Подает руку Мулину и уходит.)*

Мулин садится к столу и боязливо взглядывает на дверь, в которую ушла Евлалия. Входит Евлалия.

Мулин. Вот положение! *(Как бы не замечая Евлалии, углубляется в чтение.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мулин, Евлалия, потом Марфа.

Евлалия *(садится у стола сбоку)*. Вы меня обманули.

Мулин. Евлалия Андревна, у меня очень серьезное дело; позвольте мне его кончить прежде. *(Пишет что-то карандашом.)*

Евлалия. Я вас ждала до одиннадцати часов.

Мулин (*читая про себя*). Что вы изволите говорить?

Евлалия. Я измучилась; два раза посылала к вам. Сказали, что вас дома нет.

Мулин. Да, помилуйте, телеграмма... (*Читает.*) Надо было на телеграф ехать. (*Пишет.*)

Евлалия. Занимайтесь, я вам не мешаю... Я только хотела у вас спросить...

Мулин. Что вам угодно?

Евлалия. Вы, вероятно, любите какую-нибудь девушку или женщину...

Мулин (*со вздохом*). Ах, Евлалия Андревна... (*Читает про себя.*)

Евлалия. Нет, ведь я серьезно.

Мулин (*не поднимая головы*). Никого я не люблю.

Евлалия. И меня?

Мулин. Вам хочется слышать признание от меня?

Евлалия. Да. Потому что, если вы меня не любите, значит, вы любите другую женщину... Без любви жить

нельзя.

Мулин. Можно.

Евлалия. Не шутите со мной! (*Слезы.*)

Мулин. Я не понимаю, Евлалия Андревна, из чего вы себя расстраиваете! Между нами такие отношения, лучше которых желать нельзя: нежная дружба, у меня к вам самая теплая привязанность.

Евлалия. Дружба, привязанность... Отчего ж не любовь?

Мулин. Ну, любовь... если вам так угодно.

Евлалия. Не верю.

Молчание. Мулин пишет.

Скажите, что мне делать, чтоб вы меня любили?

Мулин. Ничего не нужно, Евлалия Андревна.

Евлалия. Нет, вы мало меня любите. (*Молчание.*) Я знаю, я сама виновата: я вам надоедаю... ревную... связываю вас... (*Молчание.*) Я обещаю вам, что этого не будет. Довольны вы?

Мулин. Прекрасно, Евлалия Андревна, прекрасно. Позвольте, не мешайте мне!

Евлалия. Мы будем видеться не часто: приходите ко мне, когда вы совершенно свободны, когда у вас нет никакого дела, никакого занятия - одним словом, когда вам самим будет угодно! (*Молчание.*) Делайте, что хотите... бывайте, где хотите... разговаривайте с женщинами... любезничайте... (*Молчание.*) Только...

Мулин. Что "только" ?

Евлалия. Только не изменяйте мне... не разрушайте моих надежд.

Мулин (*читая про себя*). Смею ли я... разрушать...

Евлалия. И вы всегда будете меня любить?

Мулин. Конечно, всегда... Чего ж мне еще!

Евлалия. Ну, вот и хорошо; я очень рада. (*Задумывается. Мулин взглядывает на нее. Молчание.*) Знаете, об чем я мечтала?

Мулин. Нет, не знаю.

Евлалия. О будущем. Я могу быть счастлива.

Мулин. Да я не знаю, чего вам недостает и в настоящем.

Евлалия. Чего? Счастья. Я могу быть счастлива только с вами.

Мулин. Но ведь это невозможно.

Марфа отворяет дверь.

Евлалия. Помеха нашему счастью - мой муж.

Марфа. Евлалия Андревна!

Евлалия. Что тебе?

Марфа. Ко мне племянница пришла, так дело есть до вас маленькое.

Евлалия. Подожди! Марфа, уж я тебя не один раз просила не входить, пока тебя не позовут.

Марфа. Виновата, Евлалия Андревна. Дело-то у нас не терпит, племяннице долго ждать нельзя.

Евлалия. Нельзя входить. У нас могут быть свои разговоры, которых прислуге слушать не надо.

Марфа. Понимаю, Евлалия Андревна, все понимаю. Мне ведь только бы на два слова! Уж я вам больше не помешаю.

Евлалия. Хорошо, сейчас; подожди немного.

Марфа уходит и остается за дверью.

Евдоким Егорыч уж стар... Мы будем дожидаться.

Мулин. Чего?

Евлалия. Ему жить недолго.

Мулин. Как вы об этом легко говорите!

Евлалия. Я не желаю смерти Евдокиму Егорычу; но вы подумайте, могу ли я не только любить его, но даже иметь к нему хоть какую-нибудь привязанность?

Марфа приотворяет дверь.

Он купил меня, как невольницу, он оскорбляет меня недоверием, поручает пьяному лакею надзор за мной! Жалеть его было бы притворством с моей стороны.

Мулин. Да, конечно.

Евлалия. Значит, я имею полное право мечтать о счастье с вами. Вы мой... если не теперь, так

в будущем.

Мулин. Да, разве в будущем. Ну, вот я кончил. *(Встает.)* До свидания, Евлалия Андревна! *(Целует руку Евлалии.)*

Евлалия *(целует Мулина)*, Так мы будем ждать, и вы, и я?

Мулин. Будем, будем! *(Уходит.)*

Евлалия звонит в колокольчик. Входит Марфа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евлалия и Марфа.

Марфа. Здесь, Евлалия Андревна, здесь.

Евлалия. Что тебе нужно?

Марфа. Племянницу мы просватали. Ну, разумеется, так как я ей тетка, так и должна помочь насчет приданого.

Евлалия. Ну, конечно.

Марфа. Так вот она за этим за самым и пришла.

Евлалия. Так что же, я-то зачем вам?

Марфа. Да помилуйте, Евлалия Андревна, какие же мои недостатки! Из чего мне?

Евлалия. Дай, что можешь; ведь всякий помогает, глядя по состоянию.

Марфа. Мало-то дать стыдно. Хоть бы родню нашу взять, ведь они тоже понимают, в каком я доме служу.

Евлалия. Ну, и я тебе помогу; я дам десять рублей. Евдокиму Егорычу скажу; он никогда не отказывает бедным невестам.

Марфа. Покорнейше вас благодарю, Евлалия Андревна. Евдоким Егорыч точно никогда бедным невестам

не отказывают; только ведь у них положение известное: пятнадцать рублей... Конечно, так как я давно служу, может, и двадцать пять пожалуют.

Евлалия. И очень хорошо; чего ж еще?

Марфа. Да помилуйте, Евлалия Андревна, того ли я за мою вам службу ожидать должна?

Евлалия. Да ведь ты за свою службу жалованье получаешь.

Марфа. Жалованье жалованьем, это уж положонбе; я за свое жалованье все вам исполняю, что должно и к чему я приставлена; но, окромя всего этого, моя к вам приверженность...

Евлалия. Какая приверженность?

Марфа. Да бегать-то по городу, про разных кавалеров разыскивать; нешто б я для кого другого, кроме вас, это сделала!

Евлалия. По какому городу бегать, про каких кавалеров разыскивать?

Марфа. Да как же их... ну, хоть Артемия Васильича назвать! Обыкновенно для учтивости кавалерами называешь.

Евлалия. Зачем ты об Артемии Васильиче говоришь, скажи мне?

Марфа. Значит, всё даром, все мои потрафления для вас?

Евлалия. Боже мой, что ты говоришь!

Марфа. Да как же, Евлалия Андревна, я не служу? Значит, не ублажила вас? Покорнейше вас благодарю. А вы еще того не знаете, когда он тут у вас, что я как лист дрожу. Да, Боже сохрани, кто доведет барину... А уж вы тут за мной, все равно как за каменной стеной, можете равнодушно, как душе угодно... потому я вас берегу. Я на себе это самое потрясение переношу; ведь от страху-то все равно как озноб...

Евлалия. Какой озноб?

Марфа. А вы думаете, легко! Только что, конечно, бедность наша непокрытая заставляет; а то бы, кажется, никаких миллионов не взял...

Евлалия. Да за что? Разве я что дурное заставляю тебя делать?

Марфа. Да ведь и хорошим назвать нельзя. Обыкновенное дело, корысть нас заставляет: я так и ожидала, что вы мне рубликов полтора ста пожалуете. Оттого и племянницу просватали, а то где б нам взять! Теперь, первым долгом, жениху на сговоре надо сотельную дать.

Евлалия. Да скажи ты мне, что ты обо мне думаешь, в чем ты меня подозреваешь?

Марфа. Как мы смеем подозревать! Наша обязанность - исполнять, что прикажут.

Евлалия. Что же я тебе приказывала?

Марфа. Да ведь это как вам угодно, Евлалия Андревна; хотите мою службу ни во что поставить, так поставьте. Разве я смею требовать; у нас ряды не было. Через меня вы, при своем богатстве, всякое удовольствие и утешение себе видели, так вам меня, бедного человека, забывать тоже нехорошо. Бегать-то по городу сыщиком, где у него невеста, да какая невеста, да что где говорили, да как приняли!.. Это, я вам скажу, в какой дом налетишь! Из другого так-то по затылку, по всему двору до самой калитки, проводят, что своих не узнаешь. Опять же к нему с утра до поздней ночи бегаешь-бегаешь: скоро ль придет, да когда придет, да чтоб беспременно пришел! Все это хорошо, у кого ноги молодые да шея крепка; а у меня уж ноги-то второй срок выслужили, да и стыд в глазах есть. Не по моим бы летам таким художеством заниматься!

Евлалия. Ну, довольно! Ты делала лишнее, я тебе и прибавлю к жалованью десять рублей. Больше я говорить с тобой не хочу.

Марфа. Это опять-таки ваша воля. Только я нанималась к Евдокиму Егорычу служить верой и правдой; а, вместо того, должна ваши прихоти прикрывать.

Евлалия. Замолчи, говорю я тебе!

Марфа. Замолчать можно... Только и бедных людей пожалеть следует.

Евлалия. Я тебя прогоню.

Марфа. Ну, прогнать за что же! Это еще погодить надо! Кабы я к вам нанималась, вы бы меня и прогнать вольны были; а я нанималась к Евдокиму Егорычу, еще как он нас с вами рассудит!

Евлалия *(сквозь слезы)*. Так иди ты к своему Евдокиму Егорычу и не смей меня больше беспокоить! *(Уходит.)*

Марфа. Уж что-то вы некстати очень высоко летаете, Евлалия Андревна! Можно вам крыльяхто и ошибиться.

Входит Мирон.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Марфа и Мирон.

Марфа. Что вы, Мирон Липатыч?

Мирон. В расстройстве.

Марфа. У ворожеи были?

Мирон. Был.

Марфа. Что же она вам сказала?

Мирон. "Скажу, говорит, я тебе верно; только трудно будет мои слова понимать".

Марфа. Ну, и что же?

Мирон. "Думай, говорит, на рябоватого, а помогал весноватый".

Марфа. Как же вы об этом рассуждаете?

Мирон. Да что, Марфа Савостьяновна, если рассуждать правильно, так мне уж только одно средство осталось.

Марфа. Какое же, Мирон Липатыч?

Мирон. Повеситься.

Марфа. Ну, что это вы! Какое это средство! Самое плохое.

Мирон. Я думаю отсюда прямо на чердак. Как вы посоветуете?

Марфа. В таком деле советовать довольно мудрено, Мирон Липатыч; каждый сам должен о себе знать, как ему лучше.

Мирон. Удавлюсь, шабаш!

Марфа. Ваше дело. Только если бы вам вместо гадалки мне поклониться, так я бы вам ващу пропажу скорей нашла.

Мирон. А вы думаете, не поклонюсь? И поклонюсь, и сто раз поклонюсь. Как до петли дойдет, всякому поклонисься, Марфа Савостьяновна.

Марфа. Ваша пропажа из дому не выходила.

Мирон. Как? Здесь? Батюшки мои! Где же?

Марфа. И даже очень недалеко, и даже в соседней комнате.

Мирон. В гостиной? Да ведь я там все мышки норки обшарил.

Марфа. В шахматном столике.

Мирон. Да ведь он заперт?

Марфа. Заперт, и ключ у Евдокима Егорыча, а сигарочница там.

Мирон. Кто ж ее туда положил?

Марфа. Я.

Мирон. Ну не змея ли вы подколодная после этого, Марфа Савостьяновна?

Марфа. Мы люди подневольные, Мирон Липатыч; что прикажут, то и делай. Мы за то жалованье получаем; нанялся - продался.

Мирон. Кто ж это приказал вам?

Марфа. Стало быть, кто-нибудь вас с места сживает, кому-нибудь вы мешаете.

Мирон. Так ведь, кроме Евлалии Андревны, некому.

Марфа. Само собой; разве б я чьего другого приказа послушалась?

Мирон. В чем же я ей помеха? Разве антрыги завелись?

Марфа. Ну, уж сами понимайте, как знаете.

Мирон. Как же это я! Проглядел ведь! Эка слабость моя! Одолела она меня, проклятая! Вот бы когда глаза-то нужны; а я их залил, что света не вижу, что день, что ночь не разберу. И таки всурьез дело али, может, так, только время продолжают?

Марфа. Оно, конечно, что пустяки. Ну, ведь наше дело такое, знаете, что иногда ненароком и за дверью случисься, когда они промеж себя разговаривают.

Мирон. Д-да, да, да.

Марфа. Так если по разговорам судить, ничего важного не состоит. А ведь кому как покажется.

Мирон. Вы мне только разговоры-то эти скажите, а уж я пойму, я сейчас все до тонкости...

Марфа. Разговоры вот какие, Мирон Липатыч: "Друг ты мой милый, друг ты мой любезный, одна у нас с тобой помеха - муж мой постылый".

Мирон. Ая-я-я-яй! (Хватаясь за голову.) Ая-я-я-яй!

Марфа. "Нет, говорит, на него пропасти".

Мирон. Однако... закуска!

Марфа. Ну, и много такого прочего. И, при всем этом, яду у меня просила.

Мирон. Уф! Сразили вы меня. Погодите! Дух захватывает. Какого же, например, яду?

Марфа. Отравы, чем волков травят. Как ходила я в аптеку к племяннику отравы для мышей попросить, вот и прознала она это. "Дай, говорит, ты, пожалуйста, отравишь; а у меня сохранен будет". Ну, я сейчас же и поняла.

Мирон. Ого-го-го-го! Фу ты, оглашенный Мирошка! Ох, как бить меня нужно! Что я прозевал-то было! Вот когда Евдокиму Егорычу верный человек нужен. А вы говорите: "пустяки да важности в этом не состоит".

Марфа. Каким глазом кто посмотрит. На мой взгляд, пустяки; а другой кто, может, и за важное примет. Я что слышала, то и передаю вам. А я так думаю, что мы тут ни при чем, наше дело постороннее.

Мирон. Нет, уж какое постороннее! Я насилу на ногах устоял, как вы сказали; так и сразило. И теперь еще в настоящие чувства не приду. Не одолжите ли гривенничек взаймы?

Марфа. На что вам, Мирон Липатыч?

Мирон (*вынув табакерку*). Провианту не хватает; всего заряда на два осталось.

Марфа. Нет у меня, Мирон Липатыч; разве б я отказала?

Мирон. Скупитесь. Ах, постойте!.. И забыл совсем. А кто ж он-то, друг-то любезный?

Марфа. Ну, уж этого вы от меня не дождетесь; и так я вам много сказала, чего не надо. Вы над нами наблюдателем поставлены, вы должны сами знать.

Мирон. Не скажете?

Марфа. Не скажу, Мирон Липатыч; своим умом доходите. (*Уходит в залу.*)

Мирон. Сколь ехидна эта женщина! Все рассказала, а как дошло до сути, так и молчит. Как теперь объяснить Евдокиму Егорычу! А докладывать надо беспрерывно. Уголовщина! Суд да дело, пойдет следствие, в остроге насидишься. Беда! Нет, уж как сумею, а доложу. Куражу бы прикупить хоть на гривенничек! Вот когда человеку гривенничек-то дороже каменного моста.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Стыров.

Евлалия Андревна.

Коблов.

Софья Сергевна.

Мулин.

Марфа.

Мирон.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мирон (один).

Мирон. Ну, вот я теперь могу разглагольствовать. Я теперь во всем развязен. Уж я думал, думал... Нет, надо побережь Евдокима Егорыча... Хороший барин, хороший... Чтоб я допустил! Нет, погодите! Не допущу. Ишь что выдумали, а! Отравить!.. Скажите на милость. Это шутки плохие... Сообразное ли дело отравить человека хорошего, барина моего, Евдокима Егорыча, отравить, как крысу какую! Нет, шалишь! Разорвусь, а барина своего не выдам... Выведу, все на свежую воду выведу. Да вот он никак подъехал... Ну, там отопрут без меня, я теперь не при должности, - отставной козы барабанщик, - не мое дело. А мы еще посмотрим... Вот пусть он и поймет, какого он слугу было обидел!.. Нет, верные-то слуги нынче редкость, их ценить надо... Ну, так точно, это он, его походка. *(Делает печальную мину и становится у двери.)*

Входит Стыров.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стыров и Мирон.

Стыров. Ты еще здесь?

Мирон. Здесь, Евдоким Егорыч, здесь я, на страже стою, как есть я верный раб вашего здоровья.

Стыров. Не нужно мне твоего рабства, ступай! Я повторять приказаний не люблю.

Мирон. Но позвольте!.. Но пожалуйста сюда! *(Подходит к шахматному столику и указывает на него пальцем.)*

Стыров. Что такое? Ты пьян? Поди вон!

Мирон. Но извольте отпереть. Пьян... ну, пуцай пьян... все перенесу, все... Я, может, и не пьян... Извольте отпереть!

Стыров *(отпирает стол и вынимает портсигар).* Как он сюда попал?

Мирон вынимает платок и молча утирает слезы.

Да говори же, что это значит?

Мирон *(плача).* Сживают, с места меня сживают.

Стыров. Кто, кому нужно?

Мирон. Евлалия Андревна.

Стыров. Что за вздор такой?

Мирон. Вот... хоть сейчас... с колокольным звоном.

Стыров. Да что с тобой говорить, ты пьян! Пошел вон!

Мирон. Пуцай пьяный; но верный раб ваш... по гроб дней моих... сейчас ведите казнить... на мелкие части...

Стыров *(хватаясь за голову).* Что такое?.. Я понять не могу.

Мирон *(падая на колени).* Батюшко, отец наш... не жить вам! Извести вас хотят, Евдоким Егорыч... Изведут вас, отец наш... на кого мы, бедные, останемся?

Стыров (*строго*). Молчи! Встань и говори тихо и толком или убирайся!

Мирон (*встает*). Тихо, очень тихо... это извольте... (*Оглядываясь*.) Что тут было, что тут было... Ах!

Стыров. Да что же, что? Дождусь ли я от тебя?

Мирон. Изведем, говорит, его; он нам помеха... Это про вас-то.

Стыров. Да кто говорит-то?

Мирон. Евлалия Андревна. Припасена, говорит, у меня отрава; вот мы его и отравим.

Стыров. Какая отрава?

Мирон. Обыкновенная, чем волков травят. А он говорит: "И расчудесное дело".

Стыров. Да кто он-то?

Мирон (*вздыхает*). Ох! (*Таинственно*.) Неизвестный человек.

Стыров. Господи! Что он говорит! Невозможно! Да понимаешь ли ты, что с тобой невозможно разговаривать? Бывал он здесь?

Мирон. И утром, и вечером, и в ночь, и за полночь.

Стыров. Какой он из себя?

Мирон (*подумав*). Рябоватый.

Стыров. Только? Да еще-то какой?

Мирон. Рябоватый - это верно; так и сказано, что рябоватый.

Стыров. Так ты сам не видал? Тебе сказано. Кто ж тебе сказал?

Мирон. Бабка-гадалка. Это уж верно; так и сказала: думай, говорит, на рябоватого! Ну... я и думаю.

Стыров. Невозможно! Убирайся! Я себе простить не могу, что связался разговаривать с тобой. Только ты меня расстроил. Убирайся, и чтоб я тебя не видал.

Мирон. Вот так, вот хорошо, вот уж покорно благодарю! За мою-то службу? Не того я, признаться, ожидал от вас, Евдоким Егорыч. Все верно, все очень верно; а что насчет яду, так извольте сейчас у Марфы Савостьяновны спросить.

Стыров. Позови Марфу!

Мирон. Да-с; коли вы мне не верите, что я тут, может быть, всю свою утробу полагал, так я позову вам Марфу. Сейчас всю верность мою, как на ладони, увидите! (*Уходит*.)

Стыров. Как бы я желал, чтоб вся история оказалась самым глупым вздором! Это был бы отличный урок для меня. Связываться с прислугой мне и сначала казалось не очень приглядным, а теперь уж выходит что-то и вовсе гадкое. Вон Мирон считает мою жизнь в опасности и утробу свою за меня полагает, так уж когда ему чистотой заниматься, до того ли! Нет, гадко очень.

Входят Мирон и Марфа.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стыров, Мирон и Марфа.

Стыров. Какой тут у вас яд? Мне Мирон говорил какие-то глупости, которых понять никак нельзя.

Марфа. Что ж! ежели уж вам известно, так я молчать не должна. Сама-то я давеча сказать вам не посмела.

Стыров. Чего не посмела? Отчего не посмела?

Марфа. Оттого и не посмела, что ума у нас нет: сболтнешь сдуру-то, а потом окажется, что не так; ты же останешься виновата.

Стыров. Да какой яд, зачем он попал в дом?

Марфа. Уж вы меня извините, Евдоким Егорыч; яд этот самый я в дом принесла... Только ведь я не знала и даже вздумать не могла... Я принесла его для домашней надобности; а Евлалия Андревна у меня его отобрали. Стало быть, он им нужнее.

Стыров. Да на что же ей яд?

Марфа. Они мне этого не говорили. Промеж себя они, конечно, разговаривают и даже несколько не стесняются... Только это не наше дело.

Стыров. Об чем же они промеж себя разговаривают?

Марфа. Да разве у меня язык поднимется; да, кажется, ни в жизнь!

Стыров. Промеж себя. С кем она разговаривала?

Марфа. Вся воля ваша, Евдоким Егорыч; а как я в свою жизнь доносчицей не была, так и теперь вы от меня доносов никаких не дождетесь. Уж это пушай кто другой, но не я.

Мирон (Марфе). Да что вы ломаетесь! Ведь он весноватый.

Марфа. Кто весноватый? Вовсе нет, неправда ваша.

Мирон. Да и то, что я? Язык-то один, приболтается... Рябоватый, я говорю.

Марфа. Всё вы зря говорите, Мирон Липатыч; совсем у них чистое лицо. Только я вам докладываю, Евдоким Егорыч: служила я вам и всегда готова служить верой и правдой; а доносить на барыню я никогда не согласна. Я так считаю, что это низко. Да вот - Евлалия Андревна сами идут, извольте у них спросить; а нам чем дальше от греха, тем гораздо покойнее.

Стыров. Хорошо, ступайте!

Мирон и Марфа уходят. Входит Евлалия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стыров и Евлалия.

Евлалия. Кобловы что-то не едут.

Стыров. Они обещали рано приехать, часу в восьмом.

Евлалия. Значит, скоро?

Стыров. Сейчас, я думаю. А я, после обеда, успел еще два визита сделать. *(Молчание.)* Я еще и не поговорил с тобой по душе после приезда.

Евлалия *(садясь)*. Об чем?

Стыров. Как ты тут поживала, не скучала ли без меня?

Евлалия. Нет, не скучала.

Стыров. Навещали тебя, были у тебя гости?

Евлалия. Нет, кроме Артемия Васильича и Софьи Сергевны, никого не было.

Стыров. Никого?

Евлалия. Никого.

Стыров. Может быть, был кто-нибудь из старых знакомых?

Евлалия. Из каких старых?

Стыров. Из тех, которые были с тобой прежде знакомы, до замужества.

Евлалия. Кто был со мной знаком? Никто; точно так же, как и теперь. Жила в неволе и опять в неволе живу. Что за странные вопросы? Если вам нужно знать, кто бывал у меня, спросите прислугу, которой вы платите за то, чтоб она за мной подсматривала.

Стыров. Как тебе не стыдно! Что ты говоришь!

Евлалия. Да, стыдно, действительно стыдно; да что ж мне делать-то! Мне еще стыднее было, когда ваша прислуга просила с меня полтора рубля за то, чтоб доложить вам, что без вас я вела себя скромно и прилично.

Стыров *(хватаясь за голову)*. Ах! Что такое! Что за мерзости!

Евлалия. Я не хотела подкупать их; пусть они говорят правду. Подите разговаривайте с ними! *(Встает.)*

Стыров. Евлалия, ты сердисься?

Евлалия. Нет, не сержусь. То, что я чувствую, я не могу объяснить вам; вы не поймете. Чтоб понять мое горе, нужно иметь хоть несколько деликатности в чувствах. У вас ее нет. Зачем я буду с вами говорить? Разве я могу найти сострадание к моему горю в душе человека, который шепчется потихоньку в передней с пьяным лакеем!

Стыров. Евлалия, пощади, не казни меня! Какое твое горе? Ведь виноват в твоём горе могу быть только я.

Евлалия. Да разве это не горе: быть совершенно одинокой? Отца я едва помню; мать - директриса женского учебного заведения; она всю жизнь была моей гувернанткой, а не матерью. Остаются вы, муж... Ну, я не знаю ничего, не понимаю, ну, я глупенькая совсем институтка!.. Так ведь не мучить меня за это, а пожалеть надо. А вы, вместо того, чтоб

руководить меня в жизни, быть мне вместо отца, нанимаете шпионов подсматривать за мной. Ах, подите прочь, пожалуйста!

Стыров. Евлалия, ты не так поняла мои распоряжения, или тебе их не так передали. Я приказал беречь тебя, заботиться о тебе; за тобой нужно ухаживать, как за маленьким ребенком. Ты не имеешь никакого понятия об жизни, и, если не доглядеть за тобой, твои ребячества могут иметь дурные и даже опасные последствия. Вот, например, какой у тебя яд, и зачем он тебе?

Евлалия. Как мне жалко вас! Лгать, прибегать к уверткам... Как это должно быть тяжело и стыдно в ваши лета! Яд! И об яде вам доложили. Так не меня берегли ваши надзиратели, а я берегла себя и их. Я взяла яд у Марфы из рук и убрала его, чтоб она, по своей небрежности, не отравила нас или кого-нибудь. Только потом я догадалась, что этот яд быть может мне нужен.

Стыров. Значит, я прав, Евлалия. Ну, разве не ребячество то, что ты говоришь? Зачем тебе яд?

Евлалия. А вот вы сейчас узнаете, ребячество это или нет? Ведь могу же я когда-нибудь в жизни встретить и полюбить человека, который стоит любви? Ведь это может случиться? Пусть моя любовь будет преступна в ваших глазах; но ведь я буду лелеять ее в своей груди, буду беречь ее. Она мне будет дорога... поймите меня! Я полюбила и почувствовала себя женщиной, а до тех пор я считала себя куклой! Я буду таить эту любовь, как сокровище, буду беречь ее не только от осуждения, но даже от самого теплого дружеского участия, уж и оно мне покажется оскорблением моей святости. И вдруг эта лелеянная, береженная девственным чувством тайна волочится, треплется от передней и кухни до кабинета мужа! Вот тогда мне нужен яд, для того чтоб не загрязненной очной ставкой с прислугой умереть с улыбкой счастья на лице.

Стыров (*целуя руки Евлалии*). Евлалия, виноват, виноват, но не терзай же, не казни меня так!

Евлалия. Успокойтесь, до этого дело не дойдет, оно кончится проще. Я не могу жить с вами. Я пойду в гувернантки, в сельские учительницы, но здесь жить не останусь. Ищите себе за ваши деньги другую женщину. Я и так виновата перед собой, что без любви вышла за вас, я должна поправить этот поступок. И уж теперь я не возьму никаких миллионов, чтоб возвратиться к вам.

Стыров. Я тебе и не предложу миллионов, Евлалия; я предложу другое, что, может быть, тебе покажется дороже.

Евлалия. Что же?

Стыров. Полную свободу.

Евлалия (*удивленная*). Свободу? Ах! Это что-то хорошее... Я ее не знала с детства... Ах, погодите! Я и рада, и путаюсь в мыслях... Что это такое? Это новое... Я еще цены ему не знаю... Погодите, я подумаю.

Стыров. Что я люблю тебя очень, в этом ты сомневаться не должна; только выразал-то я свою любовь пошло: подарками. Я с самого начала должен был дать тебе свободу и оказать полное доверие. Вот в чем моя ошибка или вина, как тебе угодно.

Евлалия. И вы это говорите серьезно?

Стыров. Я всегда говорю серьезно.

Евлалия. Я от вас никак ожидать не могла.

Стыров. Я ведь не дурной человек, а только слабый и бесхарактерный: я подчинился чужому

влиянию, послушался чужих советов. Я очень люблю тебя и желаю, чтобы ты была счастлива, - я только не сообразил, что без свободы нет счастья для женщины.

Евлалия. И я совершенно свободна?

Стыров. Совершенно. Я велю великолепно отделать твои комнаты; живи полной хозяйкой на своей половине, имей свою прислугу, принимай, кого хочешь, выезжай, когда и куда угодно.

Евлалия. И вы не шутите?

Стыров. Нисколько не шучу. Я ни в твои распоряжения, ни в твои дела мешаться не буду; я только тогда подам свой голос, когда ты сама попросишь моего совета.

Евлалия. Я не знаю, смеяться мне или плакать от радости. Вы - благородный человек.

Стыров. Напрасно ты сомневалась в этом.

Евлалия (*жмет руку Стырова*). Благодарю, благодарю! Я еще не могу опомниться.

Стыров (*обнимая Евлалию*). Ах ты, бедная моя женка! Сиротлива ты, я вижу. Спасибо, что высказалась. Может быть, и много еще у тебя на душе, да прячешь ты, со мной не поделишься. Не пара я тебе. Живи, пользуйся жизнью; а коли горе какое случится или обидит кто, так приходи ко мне, приласкаю, как умею.

Евлалия. Ах, как я счастлива! У меня теперь будет и хороший отец, и...

Стыров. И кто?

Евлалия (*сконфузившись*). Я хотела сказать... Ах, вон, кажется, подъехал кто-то! Не Софья ли Сергевна!

Стыров. И кто же еще, Евлалия?

Евлалия. Ну, муж, разумеется... а то кто ж? (*Убегает в залу.*)

Стыров. Что ж это значит: "У меня добрый отец и..."? Не договорила и сконфузилась... Добрый отец и еще-то кто же? Неужели хороший любовник? А вот посмотрим, посмотрим... Коли в самом деле хорош, так нечего делать...

Входит Коблов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Стыров и Коблов.

Стыров (*задумчиво*). Здравствуй, Никита Абрамыч! (*Подает руку.*)

Коблов. Что вы задумались? О чем философствуете?

Стыров. Думаю, гадаю...

Коблов. О чем?

Стыров. Нет ли такой верной приметы, по которой бы можно было догадаться, влюблена женщина или нет?

Коблов. Позвольте! (*Подумав.*) Одна примета есть верная.

Стыров. Какая?

Коблов. Если женщина имеет влечение к картам, так не влюблена.

Стыров. К картам?

Коблов. Да. Ну, азартные игры: рамсы, стуколки, я еще не считаю верной приметой, а как начала довольно старательно играть в винт, так баста - конец всем амурам.

Стыров. Да почему же?

Коблов. Да нельзя влюбленной в эту игру играть: она, того гляди, ренонс сделает либо своего туза козырем покроет. С такой никто играть не станет.

Стыров. Да, правда ваша.

Коблов. Недавно один мой знакомый начал сомневаться насчет жены: "Стала, говорит, задумываться, что-то шептать про себя, стала бредить по ночам... Ну, думаю, говорит, беда: влюбилась в кого-нибудь либо идеи какие вредные забрала в голову - конец моему спокойствию. Стал, говорит, я прислушиваться, слышу, бормочет: туз сам-друг, король сам-третей, дама, валет сам-пят. Тут я обеими руками перекрестился: ну, думаю, матушка, на настоящую ты линию попала, теперь мужу можно спать спокойно".

Стыров. Да, кабы Бог дал!.. Покойно, очень покойно.

Коблов. Винт игра хорошая для женщин: во-первых, серьезная, ни о чем другом думать не позволяет; во-вторых, занимательная, не видишь, как время идет. Часов до трех, до четырех утра она, милая, проиграет; потом спит целый день; а к вечеру опять забота, как бы партию составить.

Стыров. Уж чего бы лучше! Пойдемте-ка, пока партнеры-то не съехались, просмотрим биржевую хронику. *(Уходят в кабинет.)*

Входят Евлалия и Софья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Евлалия и Софья.

Софья. Что с вами? С чем вас поздравить? Вы так и сияете.

Евлалия. Кабы вы знали, сколько я перенесла сегодня! Сначала неприятности от прислуги, они наплели на меня разные глупости мужу...

Софья. Сами виноваты. Прислуге надо платить. Это составляет довольно значительный расход для женщины, у которой есть что скрывать от мужа. Я плачу всем, даже кучеру, и плачу очень дорого. Хорошо, что у меня мамаша очень богатая женщина и ни в чем мне не отказывает; а то хлопот было бы довольно. Чем же у вас эта история кончилась?

Евлалия. Кончилась совершенно неожиданно для меня. Я разгорячилась, расстроилась... Ну, конечно, ведь это обидно... Я высказала мужу все, что у меня накопело на душе.

Софья. Что же он?

Евлалия. Он и сам растрогался... Он, должно быть, любит меня. Он сказал: "С этих пор живи

на своей половине, полной хозяйкой, как тебе угодно; я в твои дела мешаться не буду".

Софья. Какой милый! просто прелесть!

Евлалия. Я теперь жду не дождусь одного человека, чтоб поделиться с ним моей радостью: мы теперь можем видеться без всякого стеснения.

Софья. Да зачем вам этого одного человека? У вас муж такой милый, такой благородный!

Евлалия. Да, действительно благородный и добрый человек.

Софья. При таком муже, да еще "один человек" - это излишняя роскошь. Мне простительно, мне никак нельзя мужа любить, решительно не за что, придраться не к чему, ни одной хорошей стороны не найдешь, а любить нужно, любить хочется. А вам я завидую; вам, право, очень можно мужа любить.

Евлалия. Я и не спору: он хороший человек; но это не мой идеал. Мне с ним скучно.

Софья. А коли он хороший, так и следует его любить за это; а от скуки, для развлечения, начните играть в карты, учитесь в винт.

Евлалия. Ах, нет, что вы! Это такая проза, можно совсем опошлиться.

Софья. От добра добра не ищут. Да я и не знаю, право; здесь лучше вашего мужа и людей не найдешь...

Евлалия. Нет, не говорите! Есть один... идеальный молодой человек... в нем всё...

Софья. Не знаю, не слышать что-то...

Евлалия. Он молод, хорош собою, умен, благороден, поэт.

Софья. Если так, то действительно идеальный.

Евлалия. Как он меня любит! Только...

Софья. А! Значит, и в солнце есть пятна?

Евлалия. Обещает иногда прийти, ждешь, ждешь его, а он не придет; а если придет, так ненадолго.

Софья. Да он богат?

Евлалия. Не богат.

Софья. Так надо денег давать ему побольше да почаще; он ни обманывать, ни опаздывать не будет, уж совсем идеальный сделается.

Евлалия. Денег! Что вы! Вы его не знаете... Денег дать! Да это обидеть, жестоко оскорбить его! Нет, как это возможно! Как я могу уважать его после этого!

Софья. Да зачем вам уважать, довольно с вас любить его! Кто же молодых людей уважает! Да и где их у нас взять таких, которых уважать можно!

Евлалия. Да нет, как это... как осмелиться предложить деньги?

Софья. Очень просто. Купите хороший, дорогой бумажник, а в бумажник-то положите рублей двести или триста. Вот и конфузится нечего: вы дарите бумажник, а деньги в него нечаянно попали. Да мало ли как можно; хотите, я вас научу?

Евлалия. Нет, нет, не надо. Да я вам не верю, вы шутите.

Софья. Что за шутки! Я сама дарю. Да и как не дарить! Молодому человеку одеться хочется поприличней, да и мало ли у них расходов; а жалованье небольшое...

Евлалия. Нет, пожалуйста, не продолжайте! Это что-то будничное, прозаическое. Мы с вами не понимаем друг друга; мы говорим о разных предметах. Я понимаю только любовь чистую, возвышенную.

Софья. Возвышенная-то, пожалуй, еще дороже обойдется.

Евлалия. Что вы, что вы! Вы меня удивляете, вы меня поражаете!

Софья. Да, конечно. Возвышенная любовь гораздо скучнее, она очень надоедает молодым людям; на нее надо много времени даром тратить. Он бы почитал что-нибудь, пошел к приятелям, поиграл в карты, а тут надо возвышаться до возвышенной любви. Это очень тяжелое занятие.

Евлалия. Что такое... что за слова я слышу от вас! Да если все мужчины таковы, разве можно любить кого-нибудь из них?

Софья. Можно.

Евлалия. Скажите же мне, какого человека вы любите, какие у него качества, достоинства?

Софья. Он очень милый человек; у него есть ум, ловкость, некоторое остроумие.

Евлалия. И вы дарите ему вещи, деньги?

Софья. Дарю.

Евлалия. Да разве это любовь?

Софья (*обидясь*). А то что же? Жалеть человека, входить в его положение до мельчайших подробностей, помогать ему, доставлять удовольствие, делать приятные сюрпризы - разве это не значит любить? Это настоящая человеческая любовь; другая любовь, по-моему, хуже.

Евлалия. Извините меня; все это мне кажется как-то пошло; тут нет ничего такого... высокого... неземного.

Софья. Ну, а нет, так что ж делать, где же взять-то! Я люблю, как умею.

Евлалия. Нет, моя любовь другая. Впрочем, это так и должно быть; я люблю поэта, вы любите простого, дюжинного человека.

Софья. Ну, нет, нельзя сказать, чтоб вовсе дюжинный.

Евлалия. Простите моему женскому любопытству!.. Если вы меня считаете достойной вашего доверия, скажите: кто он?

Софья. Он, после вашего мужа, пожалуй, лучший человек здесь.

Евлалия (*с любопытством*). Но кто же он, кто?

Софья. Артемий Васильич Мулин.

Евлалия. Ах! (*Чуть не плачет.*) Поддержите меня!

Софья. Что с вами?

Евлалия. Мне дурно.

Софья сажает ее в кресло.

Ох! Благодарю вас!

Софья. Успокойтесь! Не принести ли вам воды?

Евлалия. Ах, нет, не надо... благодарю... Это пройдет... сейчас пройдет... Позвольте еще один вопрос... Вчера вечером Артемий Васильич был у вас?

Софья. Да, был, просидел весь вечер.

Евлалия *(слабым голосом)*. Он обещал быть у меня, я его ждала долго, очень долго.

Софья. Позвольте мне за него заступиться! Вот видите ли, ему нельзя было не прийти ко мне; вчера поутру я послала ему в подарок великолепные часы, так он приходил благодарить.

Евлалия *(со вздохом)*. Ах, довольно об этом.

Софья. Евлалия Андревна, я вижу, что мы соперницы. Послушайте, уступите мне его бесспорно. Вам нужно людей идеальных, с возвышенными чувствами; а по мне он таковский, мне и этот годится. По Сеньке и шапка.

Евлалия. Ах! Мечта всей жизни...

Софья. Да уж будет вам мечтать-то, пора на землю опуститься. Так отдайте же!

Евлалия. Возьмите!.. Вот он идет... Позвольте мне сказать с ним два слова!

Софья. Сделайте одолжение! Я пойду в кабинет. *(Уходит в кабинет.)*

Входит Мулин.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евлалия и Мулин.

Евлалия. Подите сюда!

Мулин подходит.

Я вас... презираю!

Мулин. И слава Богу! Очень рад, Евлалия Андревна; благодарю вас!

Евлалия. Как мало в вас самолюбия! Вас презирают, и вы этому радуетесь.

Мулин. Да ведь какой камень-то с меня свалился! Ведь, бывало, когда вы меня еще не презирали-то, идешь к вам, так душа не на месте.

Евлалия. Чего же вы боялись?

Мулин. Любви вашей.

Евлалия. Это вздор. Мне Софья Сергевна сейчас призналась... Значит, вы любви не очень боитесь.

Мулин. Да ведь любовь-то бывает разная.

Евлалия. Какая разная?

Мулин. Есть любовь, которую сама природа подсказывает женщине; на эту любовь нельзя не ответить; та любовь знает тайну. А то есть другая любовь, напускная, пансионского и институтского происхождения, так называемое обожание; эта любовь напоказ: ее ужасно боятся мужчины; особенно жутко бывает подчиненному человеку.

Евлалия. Подите от меня! Повторяю вам: я вас презираю!

Мулин. Презирать-то - презирайте; а и поблагодарить меня вам тоже не мешает.

Евлалия. За что это?

Мулин. Вы сами признаетесь в любви и кидаетесь на шею человеку, которого вы совсем не знаете. Будь во мне поменьше совести и уважения к Евдокиму Егорычу или только просто не служи я у него, ведь из этого мог бы выйти скандал веселый. И сам-то бы я насмеялся над вами вдоволь, да и всему бы городу удовольствие большое доставил. Так вы сначала поблагодарите меня, что я этого не сделал, а потом уж презирайте, пожалуй.

Евлалия *(тихо)*. Благодарю вас!

Входят Стыров, Коблов, Софья.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евлалия, Мулин, Стыров, Коблов и Софья.

Коблов. Дурной пример вы подаете мужьям, Евдоким Егорыч. Я вам серьезно говорю. У нас ведь переймут сейчас; за вами, глядишь, другой и третий потянется. А там уж и все жены взбунтуются.

Стыров. Что мне за дело до других! Я у себя в доме хозяин: что хочу, то и делаю.

Коблов. Ну нет, это дело не личное ваше, это дело общественное. К свободе надо приучать исподволь; дай-ка вдруг волю-то, вы увидите, что от наших жен будет. Да всякая благоразумная женщина вам сама скажет, что сейчас после теремов к свободе привыкать нелегко.

Софья. А я слышала, напротив; говорят, к палке привыкать трудно, к свободе гораздо легче.

Евлалия. Если речь идет обо мне, так я и не желаю никакой свободы, на что мне она!

Софья. Что вы! Опять экзальтация! От чего хотите отказывайтесь, только не от свободы. Не теперь, так вперед пригодится.

Евлалия. Ах, да, конечно. Я сказала не подумавши. *(Задумчиво.)* Свобода - хороша... только я не знаю, что с ней делать...

Коблов. Ну, да что о пустяках-то толковать, пора бы и за серьезное дело, пора в винт садиться. Вон, кажется, партнеры подъехали.

Евлалия *(мужу)*. Я с вами.

Стыров. Как с нами?

Евлалия. Я с вами в винт буду играть, я хочу учиться.

Стыров. Евлалия, что ты говоришь? Верить ли мне ушам своим?

Евлалия. Я теперь постоянно, каждый день буду играть; мне эта игра очень нравится.

Стыров. Евлалия, милая Евлалия! *(Обнимает ее.)* Вот, господа, когда я счастлив вполне. Играй, Евлалия, играй по большой! проигрывай тысячи; я ничего для тебя не пожалею! Вот это, господа, праздник! Человек, шампанского, больше давай, больше! *(Целует Евлалию.)*

1881